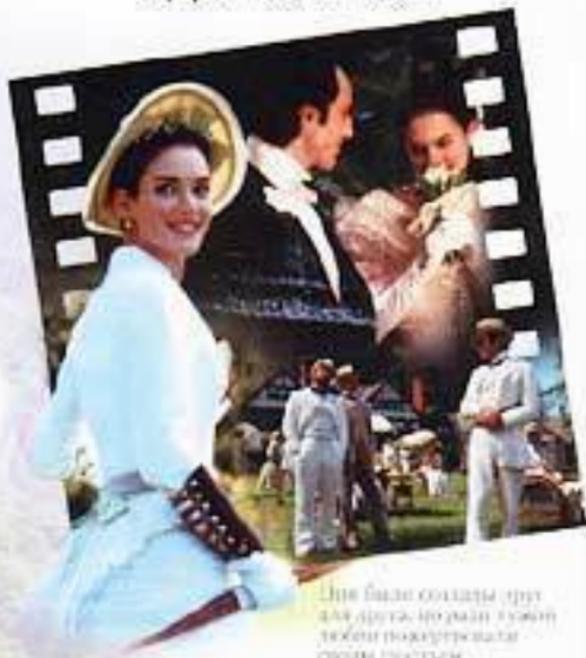

ЭДИТ УОРТОН

Эта была социальная драма
для детей, но роман Эдиты
Уортон показывал нам
совершенно другое...

ЭПОХА НЕВИННОСТИ

БЛОГБУСТЕР
КЛУБ ПОДРОСЛОВИИ

www.blogbuster.ru

Эдит Уортон

Эпоха невинности

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=618885
Эпоха невинности: ЗАО «Издательство»; Москва; 2002
ISBN 5-227-01838-3*

Аннотация

Графиня Эллен Оленская погружена в свой мир, который сродни музыке или стихам. Каждый при одном лишь взгляде на нее начинает мечтать о неизведанном. Но для Нью-Йорка конца XIX века и его консервативного высшего света ее поведение скандально. Кузина графини, Мэй, напротив – воплощение истинной леди. Ее нетерпеливый жених, Ньюланд Арчер, неожиданно полюбил прекрасную Эллен накануне своей свадьбы. Эти люди, казалось, были созданы друг для друга, но ради любви юной Мэй к Ньюланду великодушная Оленская жертвует своим счастьем.

Содержание

Книга первая	4
Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	35
Глава 5	43
Глава 6	56
Глава 7	67
Глава 8	76
Глава 9	87
Глава 10	104
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Уортон Эдит

Эпоха невинности

Книга первая

Глава 1

Январским вечером в самом начале семидесятых на сцене Музыкальной академии Нью-Йорка Кристина Нильсон¹ пела в «Фаусте».

Хотя давно уже шли разговоры, что где-то за Сороковыми улицами будет построена новая Опера,² которая блеском и роскошью затмит оперные здания великих европейских столиц, старая добрая Академия по-прежнему радушно каждую зиму раскрывала высшему обществу объятия своих выдавших виды красных с позолотой лож. Консерваторы лелеяли ее за то, что некоторая теснота и другие неудобства отпугивали от нее «новых американцев»,³ которыми уже начал

¹ Нильсон Кристина (1843–1921) – шведская оперная певица. (Здесь и далее примеч. перев.)

² Ныне знаменитая «Метрополитен-опера», открыта в 1883 г.

³ «Новые американцы» – разбогатевшие выскочки, противопоставляемые светскому обществу с его традициями.

наполняться Нью-Йорк и которые одновременно и притягивали и страшили «старых». Люди сентиментальные были ей преданы из-за исторических ассоциаций, с нею связанных; и, наконец, меломаны – за великолепную акустику, качество которой всегда столь проблематично во вновь выстроенных зданиях.

Это было первое появление мадам Нильсон той зимой, и публика, которую ежедневные газеты привыкли обозначать как «исключительно изысканную», направлялась послушать оперную диву по скользким заснеженным улицам – кто в собственных каретах или в просторных семейных ландо, кто в более скромных, но более удобных наемных двухместных «купе Брауна». Приехать в Оперу в «купе Брауна» было столь же почетно, как и в собственном экипаже, а вот отъезд в нем давал даже неоспоримое преимущество, – в придачу к тому, что каждый имел возможность продемонстрировать свои демократические принципы, он мог немедленно усесться в первую же из выстроившихся в длинном ряду брауновских карет, не дожидаясь, пока под крытой галереей Академии блеснет налившийся кровью от холода и джина нос его личного кучера. Это было одно из великих интуитивных открытий человека, наладившего этот бизнес, – понимание того, что для американца гораздо важнее быстро покинуть какое-либо развлекательное мероприятие, чем прибыть на него вовремя.

Ньюланд Арчер открыл дверь клубной ложи как раз в тот

момент, когда занавес поднялся, открывая сцену в саду. Собственно, ничто не мешало ему появиться в театре раньше – он отобедал в семь, наедине с матерью и сестрой, затем не торопясь выкурил сигару в библиотеке с застекленными шкафами черного орехового дерева, называемой «готической» из-за стульев с высокими спинками, верхний край которых был стилизован под средневековые острые шпили, – это была единственная комната в доме, где миссис Арчер разрешала курить, и только после этого поехал в Оперу, прекрасно зная, что в столице появляться в театре вовремя не принято, а понятия «принято» и «не принято» играли в обществе, где вращался Ньюланд Арчер, столь же священную роль, как и внушающие ужас предметы культа, которые правили судьбами предков на заре человечества тысячи лет назад.

Вторая причина его задержки была личного свойства. Он тянул время, покуривая сигару, еще и потому, что был эстетом, и предвкушение удовольствия иногда давало ему более острые ощущения, чем само удовольствие. Это особенно касалось наслаждений утонченных; впрочем, у него они в основном таковыми и были. Но минута, которой он страстно жаждал сегодняшним вечером, была настолько прекрасна, что даже если бы он согласовал свое появление с антрепренером мадам Нильсон, то и тогда он не смог бы явиться в Оперу в момент более подходящий, чем тот, когда примадонна запела: «Любит – не любит – ОН ЛЮБИТ МЕНЯ!» обрывая и разбрасывая по сцене лепестки ромашки.

Она спела, конечно, не «он любит меня!», а «M'ama!», потому что непреложный и неоспоримый закон музыкального мира требовал при исполнении шведскими певцами немецких текстов французских опер перевода их на итальянский язык – для того чтобы... англоязычная публика лучше его понимала. Это казалось Арчеру столь же естественным, как и все остальные условности, определяющие его жизнь: как то, что нужно причесываться непременно двумя щетками, отделанными серебром, с его монограммой на голубой эмали, или то, что немисливо появиться в обществе без цветка в петлице. И желательно, чтобы это была гардения.

«M'ama... non m'ama... – пела примадонна. – M'ama!» И в ликующем финальном любовном порыве она прижала к губам взлохмаченную ромашку, подняв свои огромные глаза на умудренную жизненным опытом физиономию невысокого смуглого Фауста-Капуля⁴ в тесном пурпурном камзоле и шляпе с пером, который тщетно пытался придать своему лицу выражение той же чистоты и правдивости, что и у его простодушной жертвы.

Прислонившись к стене в глубине клубной ложи, Ньюланд Арчер перевел глаза со сцены на противоположную сторону зала. Прямо перед ним была ложа старой миссис Мэнсон Минготт, чья непомерная тучность давно уже не позволяла ей посещать Оперу, но на модных спектаклях ее всегда представляли более молодые члены семьи. В этот раз первый ряд

⁴ Капуль Ж. – французский оперный певец.

занимали ее невестка миссис Лавел Мингготт со своей дочерью, миссис Уэлланд, а слегка поодаль от этих затянутых в парчу матрон сидела юная девушка в белом, которая не сводила глаз с влюбленной пары на сцене. Как только дрожащее «Мама!» Кристины Нильсон прозвенело в мертвой тишине под сводами зала (во время «Песни ромашки» болтовня в ложах всегда прекращалась), теплый румянец залил щеки девушки, окрасив нежную кожу до корней светлых волос, и даже шею в вырезе платья, там, где тюлевый воротничок был заколот одной-единственной гарденией. Она опустила глаза на огромный букет ландышей, лежащий на ее коленях, и Ньюланд Арчер увидел, как кончики ее пальцев в белых перчатках мягко коснулись цветов. Со вздохом удовлетворенного тщеславия он снова перевел взгляд на сцену.

На декорации было истрачено немало средств – даже та часть публики, которой случалось бывать в парижской или венской Опере, признала бы их великолепие. Вся передняя часть сцены до рампы была застлана изумрудно-зеленым сукном. Посреди сцены из симметричных холмиков зеленого мха, огороженных воротцами для игры в крикет, поднимались кусты в форме апельсиновых деревьев, но усыпанных не апельсинами, а красными розами. Гигантские анютины глазки, явно крупнее роз и весьма смахивающие на разноцветные перочистки, которыми восторженные прихожанки обычно одаривают приходских священников, произрастали во мху под розовыми кустами; там и здесь роскошные

ромашки были привиты на розовые кусты, пророчески предвосхищая чудеса-гибриды, созданные позже Лютером Бербанком.⁵

В центре этого великолепного сада мадам Нильсон в белом кашемире, отделанном голубым атласом, с ридикюлем, болтающимся на голубом поясе, и толстыми косами, аккуратно спадающими с обеих сторон на ее муслиновую шемизетку,⁶ опустив глаза, слушала страстные признания Капуля, изображая полное непонимание, когда он словами или взглядами умоляюще указывал ей на окошко нижнего этажа кирпичного домика, выступающего из-за правой кулисы.

«Родная моя, – подумал Ньюланд Арчер, снова взглянув на девушку с ландышами. – Наверняка даже не понимает, о чем идет речь». Она была вся поглощена тем, что происходило на сцене, а он пожирал глазами ее юное лицо с волнением собственника, в котором гордое сознание мужской посвященности в предмет было смешано с нежным благоговением перед ее безмерной чистотой. «Мы будем вместе читать „Фауста“ ... на итальянских озерах...» Мечты о предстоящем медовом месяце сплетались в его голове с мыслями о том, как он откроет перед своей невестой мир настоящей литературы. Только сегодня Мэй Уэлланд позволила ему узнать, что он ей «небезразличен». Это была единственно возмож-

⁵ Бербанк Л. (1849–1926) – американский селекционер.

⁶ Шемизетка – часть женского туалета, надеваемая под платье и закрывающая грудь.

ная для девушки из хорошего общества форма объяснения в любви. Воображение Арчера, воспарив над вручением обручального кольца, традиционным поцелуем и маршем из «Лоэнгрина»,⁷ мысленно унесло его в старушку Европу, куда он надеялся отправиться вместе с Мэй во время свадебного путешествия.

Он вовсе не желал, чтобы будущая миссис Ньюланд Арчер была простушкой. Он надеялся, что благодаря его влиянию она приобретет светский лоск и разовьет остроту ума, достаточные, чтобы занять место среди наиболее известных замужних дам «молодого круга», которые всегда могли изящно обескуражить любого из представителей мужского пола, кружащих возле них. Более того, если бы ему удалось заглянуть на дно своего тщеславия (изредка это происходило), он бы обнаружил там мечту о том, чтобы его жена была столь же колдовски искушена в стремлении доставить ему удовольствие, как некая замужняя дама, чьи чары волновали его на протяжении двух тревожных лет. Однако, конечно, хотелось бы, чтобы у Мэй не было хрупкой болезненности, которая омрачала жизнь той бедняжки, однажды разрушив его собственные планы на целую зиму.

Как можно создать и сохранить в этом грубом мире это чудо – воображаемое создание из льда и пламени, он никогда не давал себе труда задуматься. Ему было довольно и того, что это было его желание, а анализировать его он не со-

⁷ «Лоэнгрин» – романтическая опера Р. Вагнера.

бирался. Как, впрочем, и было принято в кругу всех этих джентльменов, тщательно причесанных, облаченных в белые жилеты, с цветками в петлицах, которые один за другим появлялись в клубной ложе, обмениваясь с Арчером дружескими приветствиями, и тут же наводили бинокли на дам, критически комментируя сей «продукт» той же системы. Ньюланд Арчер чувствовал себя на порядок выше этой среды, и интеллектуально, и в смысле широты кругозора. На то были свои основания: он больше читал, больше думал, да и мир повидал больше, чем любой другой человек из его окружения. Поодиночке каждый бы уступил ему – но все вместе они представляли Нью-Йорк, и пресловутая мужская солидарность заставляла Арчера поддерживать их так называемый моральный кодекс. Он инстинктивно чувствовал, что идти своим путем было чревато неприятностями, да и – не дай бог! – отдавало бы дурным тоном.

– Не может быть! – вдруг воскликнул Лоуренс Леффертс, резким движением отведя бинокль от сцены.

Лоуренс Леффертс был как раз высший авторитет в отношении нью-йоркского «хорошего тона». Он более чем кто-либо другой посвятил времени для изучения этого сложного и увлекательного предмета; однако для виртуозного владения им одного изучения явно бы не хватило. Достаточно было одного беглого взгляда на элегантную сухопарую фигуру Леффертса, начиная с его высокого выпуклого лба и идеального изгиба белокурых усов до кончиков пальцев ступней,

обутых в лакированные туфли с удлиненными носами, чтобы почувствовать: знание правил «хорошего тона» – врожденное свойство этого человека, способного носить такую дорогую одежду столь небрежно и двигаться, несмотря на высокий рост, столь грациозно-лениво. Как сказал однажды один из юных подражателей, «если кто-то и может сказать точно, в каких случаях, собираясь вечером выезжать, нужно надевать фрак, а в каких – нет, то это Лэрри Леффертс». А уж по части выбора лакированных ботинок авторитет его был просто непререкаем.

– Бог мой... – меж тем снова вырвалось у него, и он молча протянул свой бинокль старому Силлertonу Джексону. Следующему взгляду Леффертса, Ньюланд Арчер с удивлением увидел, что его восклицание было вызвано появлением в ложе миссис Минготт нового лица. Это была стройная молодая женщина, слегка пониже ростом Мэй Уэлланд, с узким бриллиантовым обручем в густых каштановых волосах, собранных в прическу с локонами на висках. Эта прическа и покрой темно-синего бархатного платья, стянутого под грудью поясом с большой старинной пряжкой, были прекрасно выдержаны в едином стиле – том, что позже называли «стиль Жозефины».⁸ Но дама, которая была одета в столь необычный для Нью-Йорка туалет, казалось, совсем не замечала вызванного ею любопытства. Остановившись на минуту посреди ложи, она слегка поспорила с мисс Уэлланд, стоит ли ей

⁸ По имени Жозефины Богарне первой жены Наполеона Бонапарта.

занимать свободное место рядом с ней, после чего, улыбнувшись, уступила ее настояниям. По другую руку миссис Уэлланд сидела миссис Лавел Минготт.

Мистер Силлертон Джексон вернул бинокль Лоуренсу Леффертсу. Все в ложе инстинктивно обернулись, ожидая, что скажет старик. В области «семейных вопросов» он, подобно Леффертсу в области «хорошего тона», обладал столь же непререкаемым авторитетом. Он знал все тонкости хитросплетений нью-йоркских фамильных древ и мог не только пролить свет на такие сложные вопросы, как степень родства между Минготтами (через семейство Торли) с Далласами из Южной Каролины или родственные связи старшей ветви филадельфийских Торли с олбанскими Чиверсами (не путать с Мэнсон Чиверсами с Университи-Плейс), но был также прекрасно осведомлен о главных отличительных чертах каждой семьи. К примеру, он мог многое рассказать о баснословной скупости младшего поколения Леффертсов с Лонг-Айленда, или роковом стремлении Рашуортов вступать в дурацкие браки, или о душевной болезни олбанских Чиверсов, возникающей в каждом втором поколении, из-за которой браки между ними и их нью-йоркскими родственниками совершенно прекратились, если не считать замужество несчастной Медоры Мэнсон, но, как известно... мать ее была урожденная Рашуорт.

Кроме этого леса генеалогических древ, меж впалыми висками под серебряной шевелюрой мистера Силлертона

Джексона хранились сонмища скандалов и тайн, тлеющих под невозмутимой поверхностью нью-йоркского общества последние лет пятьдесят. Его осведомленность простиралась так далеко, а память была столь великолепна, что, наверное, он был единственным человеком, кто мог рассказать вам, кем на самом деле был банкир Джулиус Бофорт или что случилось с красавчиком Бобом Спайсером, отцом старой миссис Минготт, который исчез так таинственно (с большой суммой доверенных ему денег) менее чем через год после женитьбы... И в тот же самый день любимица вечно переполненного зала старой Оперы на Бэттери, красавица испанка, великолепная танцовщица, морем отправилась на Кубу.

Эти тайны и многие другие были спрятаны в душе или голове мистера Джексона весьма надежно. Впрочем, не только обостренное чувство чести запрещало ему раскрывать чужие секреты – репутация человека, на которого можно положиться, часто помогала ему выяснять то, что он так жаждал узнать.

Вот почему все в клубной ложе замерли в ожидании, пока мистер Силлертон возвращал бинокль Лоуренсу Леффертсу. Несколько мгновений он выдерживал паузу, словно изучая застывших в ожидании соратников своими выцветшими глазами из-под старческих, испещренных прожилками век. Затем задумчиво покрутил ус и молвил:

– Не думал я, что Минготты осмелятся на это.

Глава 2

Поначалу этот незначительный эпизод поверг Ньюланда Арчера в состояние некоторого замешательства. Ему стало неприятно, что внимание мужской половины, заполнившей Оперу, привлечено к ложе, где находилась его невеста. Мгновение он не мог узнать даму в платье стиля ампир, недоумевая, почему ее появление так взволновало присутствующих. Потом словно пелена спала с глаз, и кровь бросилась ему в лицо от негодования. Нет, в самом деле: кто бы мог подумать, что Минготты осмелятся на это!

Однако они посмели, да еще как; негромкие замечания за спиной Арчера не оставляли сомнений, что та молодая дама была кузиной Мэй Уэлланд, которую в семье называли не иначе как «бедняжка Эллен Оленская». Арчер знал, что она внезапно вернулась из Европы день или два назад; он даже вполне благодушно выслушал воркотню миссис Уэлланд о том, что она должна повидаться с «бедняжкой Эллен», которая остановилась у старой миссис Минготт. В общем-то Арчер вполне одобрял семейную солидарность, и одним из качеств, которыми он восхищался в Минготтах, было как раз то, что они всегда решительно брали сторону нескольких «паршивых овец», затесавшихся в их безупречное породистое стадо. Будучи великодушным по натуре, Арчер был рад, что его будущая жена не проявила ханжества и была добра

к незадачливой кухне; но принять графиню Оленскую в семейном кругу было не то же самое, что предъявить ее на публичке, в Опере, в той самой ложе, где сидит юная девушка, чья помолвка с Арчером вот-вот будет объявлена! Да, он вполне разделял чувства старого Силлертона Джексона – можно ли было подумать, что Минготты зайдут так далеко!

Он знал, конечно, что «матриарх» семейства старая миссис Минготт не колеблясь может сделать то, на что решится далеко не каждый мужчина (да и то только в пределах Пятой авеню). Надменная и властная старуха всегда вызывала его восхищение. Она, всего лишь Кэтрин Спайсер со Статен-Айленда,⁹ дочь человека, покрывшего себя позором при скользких обстоятельствах, не имея ни денег, ни положения в обществе, достаточных для того, чтобы заставить окружающих позабыть об этом, сумела заполучить главу процветающего клана Минготтов себе в мужа, а затем выдать обеих своих дочерей за иностранцев – итальянского маркиза и английского банкира. И наконец, поразила всех своей дерзостью, выстроив огромный дом из светлого камня (в те времена, когда строить дома из коричневого песчаника было столь же обязательным, как облачаться в сюртук после полудня), да еще на заброшенном пустыре в районе Центрального парка.

Дочери-«иностранки» старой миссис Минготт стали легендой. Они ни разу не приехали навестить мать, и она, бу-

⁹ Пригород Нью-Йорка.

дучи волевым человеком с ясным умом, философски смирилась с этим, как и со своим сидячим образом жизни и всевозрастающей тучностью, из-за которой она почти не выезжала в свет. Но дом кремового цвета (по слухам, выстроенный «для особняки парижской аристократии») был ощутимым доказательством ее морального превосходства – она царила в нем среди дореволюционной французской мебели и памятных подарков из дворца Тюильри времен Луи Наполеона (где она блистала в свои молодые годы) так безмятежно, будто бы не было ничего особенного в том, что она поселилась за Тридцать четвертой улицей,¹⁰ или в том, что в ее доме были французские окна, которые открывались, как двери, вместо обычных, рамы которых открываются вверх.

Каждый, включая Силлертон Джексона, признавал, что старая Кэтрин никогда не блистала красотой, которая – в глазах нью-йоркского общества – могла объяснить любой успех и загладить любой промах. Злые языки поговаривали, что она, как и ее венценосная тезка,¹¹ добилась успеха благодаря сильной воле, бессердечию, высокомерию и самоуверенности, что, впрочем, оправдывалось исключительной личной порядочностью и чувством собственного достоинства. Ей было только двадцать восемь, когда мистер Минготт умер, он не очень-то доверял семейству Спайсеров и внес в завещание некоторые ограничения на пользование наслед-

¹⁰ Люди из высшего общества за Тридцать четвертой улицей тогда не селились.

¹¹ Имеется в виду Екатерина II Великая.

ством, что, однако, не помешало молодой и самоуверенной вдове вести себя совершенно свободно. Кэтрин вращалась в обществе иностранцев, была на дружеской ноге с герцогами, послами и папистами, принимала оперных певцов и была близкой подругой мадам Тальони;¹² выдала замуж своих дочерей в черт знает какие – то ли фешенебельные, то ли порочные – круги... И все же – Силлертон Джексон первым провозгласил это – ни малейшего пятна не появилось на ее репутации, что, обычно добавлял он, выгодно отличало ее от Екатерины Великой, если не считать того, что она не была русской императрицей.

Миссис Мэнсон Минготт уже давно удалось добиться снятия ограничений с наследства, и она жила в достатке уж полсотни лет; но память о «нищих временах» сделала ее скуповатой. Правда, она не стесняла себя в расходах при покупке мебели или одежды, но потратить большие суммы денег на столь скоротечно проходящую радость, как вкушение пищи, было выше ее сил. Поэтому еда в ее доме была так же нехороша, как и в доме миссис Арчер (правда, причины у них были разные), и даже прекрасные вина не спасали дело. Родственники считали, что бедность ее стола позорит имя Минготтов, которые всегда славились хлебосольством, но народ продолжал к ней ездить, несмотря на «готовые блюда» и выдохшееся шампанское, и в ответ на увещевания своего сына Лавела (который, защищая честь семьи, нанял лучшего в

¹² Тальони Мария (1729–1796) – знаменитая балерина.

Нью-Йорке шеф-повара) говорила, смеясь: «Что за польза от двух поваров в семье теперь, когда я выдала замуж дочерей, а сама не ем соусов?»

Размышляя обо всем этом, Ньюланд Арчер снова посмотрел на ложу Минготтов. Миссис Уэлланд и ее невестка отражали летящие отовсюду стрелы критических взглядов с чисто минготтовским апломбом, который старая Кэтрин привила всему своему клану, и только румянец Мэй предательски свидетельствовал о серьезности ситуации. Возможно, впрочем, что она чувствовала его взгляд и это усугубляло положение, в котором она оказалась. Сама же «причина» этого смятения грациозно сидела в углу ложи, не отрывая глаз от сцены, чуть наклонившись вперед; плечи и грудь ее были обнажены чуть более, чем это было принято в Нью-Йорке, во всяком случае у дам, которые не стремились выставлять себя напоказ.

Весьма мало вещей существовало на свете, которые для Ньюланда Арчера были более нестерпимы, чем преступление против «вкуса», того далекого божества, наместником которого в нью-йоркском обществе являлся «хороший тон». Бледное, серьезное лицо мадам Оленской укладывалось в это понятие, поскольку соответствовало неопределенности ее положения; но вот вырез ее открытого, без всякой шемизетки, платья, ниспадавшего с открытых плеч, вступал в противоречие с хорошим тоном и потому шокировал Арчера. К тому же ему была ненавистна мысль, что его невеста подвер-

гается влиянию этой женщины, столь равнодушной к требованиям нью-йоркского общества.

– В конце концов, – услышал он голос одного из молодых членов клуба, переговаривавшихся меж собой (во время дуета Мефистофеля и Марты разговоры допускались), – в конце концов, ЧТО ИМЕННО случилось?

– Она сама оставила его, этого никто не отрицает.

– Но ведь он ужасная скотина, не так ли? – продолжал расспросы один из собеседников, простодушный Торли, выказывая явную готовность стать в ряды защитников дамы, о которой шла речь.

– Гораздо хуже. Я был знаком с ним в Ницце, – авторитетно произнес Лоуренс Леффертс. – Этакий ироничный бездельник благородных кровей. Красиво посаженная голова и глаза в густых ресницах. Такого, знаете ли, типа... бегают за каждой юбкой, а на досуге коллекционирует фарфор. Платит любую цену и за то и за другое, я так понимаю.

Все засмеялись, и тот же юноша спросил:

– Ну и?..

– Так вот, она сбежала с его секретарем.

– Вот как... – Юноша был явно разочарован.

– Впрочем, это продолжалось недолго – я слышал, несколько месяцев спустя она жила в Венеции одна. Кажется, Лавел Минготт ездил за ней. Он сказал, что она была в отчаянии. Пусть так, но выставлять ее напоказ в Опере – совершенно неприемлемо.

– Может быть, – рискнул предположить юный Торли, – она слишком несчастна, чтобы оставаться дома?

Это предположение вызвало не слишком почтительный смех, и густо покрасневший юноша предпочел сделать вид, что в его сочувственном замечании был какой-то совершенно иной смысл.

– Однако действительно странно – зачем тогда привозить мисс Уэлланд? – тихо сказал кто-то, искоса взглянув в сторону Арчера.

– О, это часть генерального плана: приказ бабули, не иначе, – рассмеялся Леффертс. Узнаю почерк старушки: либо все, либо ничего.

Действие шло к концу, и все в ложе зашевелились. Внезапно Арчер понял, как ему следует поступить. Первым войти в ложу миссис Минготт, объявить о давно ожидаемой всеми помолвке с Мэй и таким образом помочь ей в возникшей ситуации, в которую ее втянула неожиданно возникшая кухня, – этот страстный порыв взял верх над его неукротимым снобизмом, и он поспешно покинул мужское общество.

Как только он вошел и встретился глазами с Мэй, он понял, что она угадала причину его появления, хотя негласные правила того общества, к которому они оба принадлежали, никогда бы не позволили ей сознаться в этом. Люди их круга жили в тонкой, деликатной атмосфере легких намеков, и тот факт, что он и она понимали друг друга без слов, сблизало их более каких-либо объяснений. «Вы, конечно, понимаете,

почему мама взяла меня с собой?» – спросила она взглядом, и его глаза ответили: «Ни за что на свете я не желал бы, чтобы вы спасовали».

– Вы знакомы с моей племянницей, графиней Оленской? – спросила миссис Уэлланд, здороваясь со своим будущим зятем.

Арчер поклонился графине, не протягивая руки, как требовал обычай при представлении даме; Эллен Оленская отвечала легким кивком, нервно, как ему показалось, стискивая обеими руками в светлых перчатках огромный веер из орлиных перьев.

Поприветствовав и миссис Лавел Минготт, крупную блондинку в скрипучем атласе, Арчер сел рядом с невестой и тихо спросил:

– Вы сказали мадам Оленской, что мы обручены? Я хочу, чтобы все были оповещены об этом. Вы позволите мне объявить о помолвке сегодня вечером на балу?

Зардевшись подобно утренней заре, мисс Уэлланд подняла на него сияющие глаза.

– Если вы сможете убедить маму, – сказала она. – Однако почему мы должны менять свои планы? – Он ответил ей взглядом, и она кивнула, улыбкой показывая, что прекрасно поняла его и согласна с ним: – Моей кухне можете сообщить сейчас. Я вам разрешаю. Она рассказывала мне, что вы вместе играли, когда были детьми.

Она слегка отодвинулась, освобождая ему проход, и Ар-

чер проворно, с нарочитой готовностью показать всему свету, что именно он делает, уселся рядом с графиней Оленской.

– Ведь мы и в самом деле часто играли вместе, не так ли? – спросила она, взглянув на него своими печально-бездонными глазами. Вы были противным мальчишкой и однажды поцеловали меня за дверью; а я была влюблена в вашего кузена Венди, который даже не смотрел в мою сторону. – Она скользнула взглядом вдоль лож, расположившихся полукругом, напомиравшим подкову. – О, как это все напоминает мне о прежних временах, когда каждый, кто сидит здесь, бегал в коротких штанишках или кружевных панталончиках. – И она снова перевела взгляд на Арчера. В ее голосе был слышен едва уловимый иностранный акцент.

Выражение ее глаз было мягким и доброжелательным, но Арчер был шокирован столь непочтительным сохранившимся в ее памяти образом августейшего трибунала, который в этот момент выносит ей свой приговор. Неуместное легкомыслие было уже полной потерей вкуса, и Арчер пробормотал довольно сухо:

– Да, вас и в самом деле долго не было.

– О, целую вечность, – согласилась она, – так долго, что у меня такое впечатление, будто я умерла и похоронена, а это доброе старое место есть Царствие Небесное.

И эти слова – почему, он не смог бы, наверное, объяснить – показались Ньюланду Арчеру выражением еще большего

неуважения к нью-йоркскому высшему свету.

Глава 3

Порядок жизни нью-йоркского общества был неизменен.

Миссис Джулиус Бофорт никогда не упускала возможности появиться в Опере, даже в день своего ежегодного бала, – более того, она словно нарочно назначала бал на тот вечер, когда давали оперу, чтобы появиться в театре и подчеркнуть, что заниматься хозяйством ниже ее достоинства и она имеет столь исключительный штат прислуги, что он способен справиться с организацией праздника до малейших деталей самостоятельно, и ее присутствие совершенно не обязательно.

Дом Бофортов был одним из немногих нью-йоркских домов, имевших бальную залу; он был построен даже раньше, чем дома миссис Мэнсон Минготт и Хедли Чиверсов, еще в те давние времена, когда считалось «провинциальным» накрывать пол в гостиной грубым холстом, а мебель выносить наверх, освобождая место для танцев. Бальная зала Бофортов не использовалась ни для каких других целей и триста шестьдесят четыре дня в году была погружена в темноту, позолоченные стулья сдвинуты в угол, а люстра зачехлена; это считалось несомненным преимуществом, искупавшим в глазах общества все то, что в биографии мистера Бофорта было достойным сожаления.

Миссис Арчер, любившая высказывать свои социальные теории афоризмами, однажды молвила: «У каждого из нас

есть свои любимчики-плебеи», и в глубине души многие согласились с этой рискованной фразой. Но, строго говоря, Бофорты не были плебеями, хотя кое-кто считал, что они были еще почище оных. Миссис Бофорт принадлежала к одной из самых благородных американских фамилий – это была очаровательная Регина Даллас (из южнокаролинской ветви), нищая красотка, которую ввела в нью-йоркское общество ее кузина, экстравагантная Медора Мэнсон, которая всегда из лучших побуждений совершала нелепые поступки. Разумеется, любой родственник Мэнсонов и Рашуортов имел «droit de cité»¹³ (как выражался мистер Силлертон Джексон) в нью-йоркском обществе; но разве Регина Даллас не утратила это право, выйдя замуж за Джулиуса Бофорта?

Вопрос состоял в том, кем был этот Бофорт. Он считался англичанином, был благожелателен, красив, вспыльчив, остроумен и гостеприимен. Он появился в Америке с рекомендательными письмами от английского зятя старой миссис Мэнсон Минготт, банкира, и быстро занял важное место в деловом мире Нью-Йорка; однако его происхождение оставалось таинственным, он был весьма злоязычен и вел беспутный образ жизни. Так что когда Медора Мэнсон объявила о его помолвке с ее кузиной, все сочли это очередной глупостью в длинном ряду странных поступков бедняжки Медоры.

Но глупость так же часто выступает в защиту своих детей,

¹³ Право гражданства.

как и мудрость, и через два года после свадьбы юная миссис Бофорт имела самый роскошный дом в Нью-Йорке. Никто не мог понять, каким образом свершилось это чудо. Она была пассивной, бездеятельной, злые языки даже называли ее тупицей; но, разодетая как богиня, увешанная жемчугом, с каждым годом все более юная, белокурая и прекрасная, она царствовала в огромном дворце из коричневого песчаника и, даже не пошевелив тонким пальчиком, униженным перстнями, держала на коротком поводке все нью-йоркское общество.

Знающие люди утверждали, что Бофорт сам муштрует прислугу, учит повара готовить новые блюда, а садовников – какие цветы выращивать в парниках для украшения гостиных и обеденного стола, сам варит послеобеденный пунш и диктует жене все – и каких пригласить гостей, и что написать в записках подругам. Если это и было так, то все совершалось за закрытыми дверьми, а приглашенных встречал беззаботный гостеприимный миллионер, который производил впечатление гостя в своей собственной гостиной, рассеянно сообщая: «Вы не находите, что моя жена выращивает замечательные глоксинии? Думается мне, она выписала их из Кью».¹⁴

Все сходились на том, что секрет мистера Бофорта заключался в том, что он всегда вел себя так, будто понятия не имел, о чем судачили за его спиной. Можно было сколь-

¹⁴ Королевский ботанический сад в Лондоне.

ко угодно шептаться о том, что международный банковский дом «помог» ему убраться из Англии, – он игнорировал этот слух так же легко, как и остальные, у него всегда «все было схвачено», и деловой Нью-Йорк, весьма чувствительный к вопросам морали, не вылезал из его гостиных. Почти двадцать лет в обществе уже говорили: «Мы сегодня у Бофорт» – так же уверенно, как если бы речь шла о миссис Мэнсон Мингготт, да плюс к тому с приятным предвкушением нежного утиного мяса и выдержанных вин вместо тепловатой «Вдовы Клико»¹⁵ неизвестно какого года и разогретых крокетов.

Итак, миссис Бофорт, по своему обыкновению, вошла в свою ложу как раз перед «арией с драгоценностями», и когда, опять-таки по обыкновению, она поднялась в конце третьего акта, накинула на свои прелестные плечи мантию и исчезла, Нью-Йорку не надо было объяснять, что бал начнется через полчаса.

Ньюйоркцы любили горделиво демонстрировать дом Бофорт иностранцам, особенно в день ежегодного бала. Бофорты одними из первых в Нью-Йорке приобрели красный бархатный ковер, который расстилали на ступенях их собственные лакеи, а не взятые напрокат вместе со стульями и ужином из ресторана. Они также ввели в обиход правило, чтобы дамы верхнюю одежду оставляли в холле, а не тащили наверх в спальню хозяйки, и где, как это было принято в ста-

¹⁵ Французское шампанское.

ром Нью-Йорке, еще все после этого и толпились, подвивая волосы щипцами, разогретыми на газовой горелке. Бофорт даже вроде высказался в том духе, что, насколько он понимает, все подруги его жены имеют служанок, которые перед их отъездом из дому могут должным образом позаботиться об их прическах.

В этом великолепно спланированном доме гостям не приходилось протискиваться в бальную залу через непомерно узкий коридор, как у Чиверсов. Они торжественно следовали по анфиладе гостиных (цвета морской волны, темно-красной розы и золотой) и еще издали видели отблески огромных люстр на полированном паркете, а позади этой красоты, в глубине оранжереи, камелии и древовидные папоротники смыкались над сиденьями из черного и желтого бамбука.

Ньюланд Арчер, как и полагалось молодому человеку его положения, несколько запоздал. Сбросив пальто на руки облаченных в шелковые чулки лакеев (эти чулки были одной из последних причуд Бофорта), он немного побродил по библиотеке, отделанной испанской кожей, обставленной мебелью «буль»¹⁶ и украшенной изделиями из малахита, где несколько мужчин беседовали, натягивая бальные перчатки, и затем присоединился к процессии гостей, которых миссис Бофорт встречала на пороге темно-красной гостиной.

Арчер явно нервничал. Он не заехал, как обычно, из Оперы в свой клуб, а вместо этого прошелся по Пятой авеню –

¹⁶ Буль – французский мебельный мастер.

вечер был прекрасный – и лишь потом повернул к дому Бофортов. Он опасался, как бы Минготты снова не попытались «далеко зайти» – бабушка Минготт могла приказать им привезти графиню Оленскую и на бал.

По настрою в клубной ложе он почувствовал, что это было бы грубейшей ошибкой; разумеется, он был по-прежнему готов идти до конца и поддержать кузину своей невесты, но это стремление было куда менее страстным, чем то, которое он испытал в Опере до краткой беседы с ней.

Добравшись до золотой гостиной, где Бофорт осмелился повесить «Любовь всепобеждающую», нашумевшее ню Бугеро,¹⁷ Арчер увидел миссис Уэлланд и ее дочь, стоящих у двери бальной залы. Вдалеке по паркету уже скользили пары; свет восковых свечей падал на кружившиеся тюлевые юбки, на девичьи головки, украшенные скромными цветками, на великолепные прически замужних дам, украшенные плюмажами из перьев, и на сверкающие, туго накрахмаленные манишки и лайковые перчатки их кавалеров.

Мисс Уэлланд, тоже собираясь танцевать, замешкалась на пороге с букетом ландышей в руках; лицо ее было слегка побледневшим, глаза горели волнением, которое ей не удавалось скрыть. Ее окружала, суетясь, смеясь и пожимая ей руки, группа молодых людей и девушек, а миссис Уэлланд, стоящая немного поодаль, взирала на все это с неясной, полу-

¹⁷ Бугеро А. В. – крупнейший представитель академического направления французской салонной живописи.

одобрительной улыбкой. Было ясно, что мисс Уэлланд объявляет о своей помолвке, а ее мать пытается изобразить на своем лице некоторую родительскую неуверенность, подходящую к случаю.

Арчер помедлил мгновение. Хотя он и сам настоял на немедленном объявлении помолвки, но ему хотелось, чтобы все это произошло совершенно иначе – не посреди шумной толпы в бальной зале, что лишило бы это действие оттенка некоторой интимности и как-то было ему не по сердцу. Радость наполняла его, как вода – глубокий водоем, и легкая рябь на поверхности в общем не означала ничего страшного, но ему хотелось, чтобы и поверхность была незамутненной. К своему облегчению, он понял, что и Мэй чувствует то же самое. Встретив ее умоляющий взгляд, он прочел в нем: «Пойми, мы делаем это потому, что так надо!» Ему стало значительно легче от того, что они думают как будто в унисон; но все же ему хотелось, чтобы их действия диктовались более возвышенной причиной, чем злосчастный приезд Эллен Оленской.

Заметив его, окружавшие Мэй расступились, многозначительно улыбаясь и поздравляя его; принимая поздравления, он обнял невесту за талию и увлек ее на середину бальной залы.

– Теперь мы можем помолчать, – сказал он, улыбаясь и глядя в ее чистые глаза, и они отдались на волю волн «Голубого Дуная». Мэй молчала. На ее губах дрожала улыбка, но

глаза были серьезны, и мысли блуждали где-то далеко-далеко. – Дорогая, – прошептал Арчер, крепче прижимая ее к себе; он подумал, что в первых мгновениях после объявления помолвки, даже если провести их в шумной бальной зале, есть нечто глубоко священное. Что может быть прекраснее, чем прожить жизнь рядом с этим чистейшим, сияющим существом!

Танец кончился, и они уединились в оранжерее. Арчер увлек ее на скамью под сень папоротников и камелий и прижал к губам ее пальцы, спрятанные в перчатку.

– Видите, я сделала то, что вы просили, – сказала она.

– Да, я не мог больше ждать, – улыбнувшись, признался он, и добавил мгновение спустя: – Жаль только, что пришлось это сделать на балу.

– Да, я знаю, – она проникновенно взглянула на него, – но, в конце концов, мы ведь и здесь словно наедине... разве нет?

– О любимая, – навсегда! – вскричал Арчер.

Какое счастье – она всегда поймет, всегда поддержит его. Это открытие переполнило чашу его блаженства.

– Хуже всего то, что я хочу поцеловать вас, но не смею, – выдохнул он. Произнеся эти слова, он быстро оглядел оранжерею и, убедившись, что они одни, мимолетно прижался губами к ее губам. Сам испугавшись своей дерзости, Арчер заставил ее покинуть их укрытие, и они устроились в менее уединенном месте. Он теребил выдернутый из ее букета цветок. Она сидела рядом молча. Целый мир освещенной доли-

ной лежал у их ног.

– Вы сказали Эллен? – спросила Мэй, словно пробуждаясь ото сна.

Арчер вспомнил, что ничего ей не сказал. Как-то не шли у него слова с языка в разговоре с этой непонятной иностранкой.

– Не представилось удобного случая, – поспешно солгал он.

– Да? – Она была разочарована, но продолжала с мягкой настойчивостью: – Но это обязательно надо сделать, я ведь тоже не сказала, и мне не хотелось бы, чтобы она подумала...

– Разумеется. Но может быть, это лучше сделать вам?

Она обдумала его слова.

– Если бы я сделала это раньше, то да; но так как этого не случилось, вы должны объяснить ей, что я просила вас сделать это в Опере, перед оглашением здесь. Иначе она может подумать, что я о ней забыла. Она ведь член нашей семьи... но ее так долго не было, что теперь она несколько... излишне чувствительна.

Арчер смотрел на нее с восторгом.

– Дорогая, вы ангел! Конечно я поговорю с ней. – Он с опаской взглянул в сторону переполненной бальной залы. – Но... я еще не видел ее. Она здесь?

– Нет. В последнюю минуту она отказалась ехать.

– В последнюю минуту? – переспросил он, едва не выдав свое удивление, что она вообще могла рассматривать этот

вариант.

– Да. Она ужасно любит танцевать, – улыбнулась девушка. – Но неожиданно она передумала, потому что решила, что ее платье недостаточно шикарно для бала, хотя мы и пытались переубедить ее. Тетя отвезла ее домой.

– Вот как, сказал Арчер с притворным равнодушием. Больше всего на свете его восхищала твердая решимость его невесты воплощать в жизнь правило, в котором они были оба воспитаны, – не замечать вокруг себя ничего «неприятного».

«Она не хуже меня понимает, – подумал он, – реальную причину того, почему ее кузина решила остаться дома. Но будь я проклят, если когда-нибудь дам ей понять, что на репутации ее кузины есть хоть какая-то тень».

Глава 4

Как и подобает, следующий за помолвкой день был посвящен визитам. В полном соответствии с неукоснительным и точным ритуалом Ньюланд Арчер с матерью и сестрой поехали с миссис Уэлланд, а затем он вместе с миссис Уэлланд и Мэй отправился получать благословение к почтенной родоначальнице – старой миссис Мэнсон Минготт.

Визиты к ней всегда забавляли Арчера. Сам дом уже давно превратился в музейный экспонат, хотя и не такой, конечно, старинный, как некоторые фамильные особняки на Юниверсити-Плейс и в нижней части Пятой авеню. Те были строго выдержаны в стиле тридцатых годов, который объединял в мрачной гармонии ковры с гирляндами махровых роз, палисандровые консоли, полукруглые арки каминов под полками черного мрамора и высокие застекленные книжные шкафы из красного дерева; тогда как старая миссис Минготт, построившая дом позже, выкинула массивную мебель времен своей юности и устроила некую декоративную мешанину из остатков минготтовского наследия и фривольных гобеленов времен Второй империи. Восседавая у окна гостиной на первом этаже, она любила наблюдать поток современной жизни, который время от времени, направляясь на север, подкатывал к дверям ее уединенного жилища. Она жила в терпеливом ожидании того, что такие же особняки, как ее соб-

ственный, или – могла она допустить ради объективности – еще более величественные вытеснят заборы, каменоломни, одноэтажные салуны, деревянные теплицы на неряшливых клочках огородов, холмы, с которых козы созерцали окрестности. А булыжную мостовую, по которой громыхали омнибусы, заменят на гладкий асфальт, что, по слухам, уже делается в Париже. Покуда же все те, кого она желала бы видеть, все же добирались до нее, и она ничуть не страдала от своей географической изоляции, и если подумать, она могла дать фору по сбору гостей даже Бофортам, особенно если учесть, что для этого ей не приходилось добавлять ни единого блюда в меню.

Необъятные горы плоти, обрушившиеся на нее в середине жизни по воле рока, как вулканическая лава на Помпеи, превратили ее из пухленькой энергичной маленькой женщины с изящно выточенными ступнями и лодыжками в гигантское величественное явление природы. Она отнеслась к этому столь же философски, как и к другим жизненным испытаниям, и теперь, в глубокой старости, была вознаграждена тем, что, созерцая себя в зеркале, видела отражение почти не тронутой морщинами бело-розовой кожи на маленьком моложавом лице. Многоярусный подбородок постепенно вел в головокружительные глубины все еще белоснежной груди под белоснежным же муслином, заколотым брошкой с миниатюрным портретом покойного мистера Минготта, а вокруг и ниже, выплескиваясь за края широченного кресла, пени-

лись волны черного шелка, на гребнях которых, как чайки, белели крошечные ручки.

Тяжкое бремя этой безмерной полноты давно уже сделало невозможным для миссис Минготт передвигаться вверх-вниз по лестницам, и, со свойственной ей решимостью, она, дерзко презрев все правила, устроила комнаты для приемов наверху, а сама переехала на первый этаж. И когда вы сидели с ней в гостиной у ее любимого окна, то через распахнутые двери с раздвинутыми желтыми шелковыми узорчатыми портьерами вы с изумлением наблюдали спальню с огромной низкой кроватью наподобие софы и туалетным столиком с весьма фривольными кружевными фестончиками и зеркалом в позолоченной раме.

Гостей завораживало и восхищало это «иностранное» расположение комнат, напоминавшее сцены из французских романов, где даже сама архитектура навевала мысли о чем-то восхитительно запретном, о чем непорочный американец не смел и помыслить. Как описывалось в этих романах, в подобных апартаментах грешные женщины из нечестивого Старого Света жили и принимали любовников. Ньюланд Арчер часто забавлялся, мысленно помещая сцены из «Месье Камора»¹⁸ в спальню миссис Минготт; ему нравилось представлять себе ее безупречную жизнь в этих легкомысленных интерьерах. Однако со смутным восхищением он ощущал, что, если бы этой невероятной женщине понадобилось заве-

¹⁸ Роман О. Фейе о безнравственных похождениях французских аристократок.

сти любовника, она бы это сделала.

К всеобщему облегчению, графиня Оленская не присутствовала при визите обручившейся пары. Миссис Минготт объяснила, что она пошла прогуляться, что само по себе было неприличным – среди бела дня, в час, когда было положено делать покупки. Однако ее отсутствие избавило всех от неловкости, да и легкая тень от ее несчастливой судьбы омрачила бы приподнятый настрой жениха и невесты.

Визит был успешным, что и следовало ожидать. Старая миссис Минготт и так была рада помолвке, возможность которой давно уже была предугадана на семейном совете, а уж обручальное кольцо с крупным сапфиром, который держали невидимые лапки, привело ее в полный восторг.

– Конечно, это новое крепление необычно для глаз, привыкших к старине, хотя оно и подчеркивает красоту камня, он смотрится как бы голым, – искоса поглядывая на будущего зятя, проговорила миссис Уэлланд.

– Надеюсь, дорогая, ты намекаешь не на мои глаза? Я лично обожаю все новое, – изрекла матрона, поднося кольцо к своим ясным очам, которые никогда не обезображивали очки. – Очень красиво, – сказала она, отдавая кольцо, – весьма щедро. В мое время было достаточно и камеи в жемчуге. Но кольцо должна красить рука, не так ли, дорогой Арчер? – И она взмахнула крошечной ручкой с маленькими острыми ноготками. Складки жира обхватывали ее запястья словно браслеты из слоновой кости. – С моей вот даже когда-то де-

лал слепок в Риме один модный скульптор... А у Мэй вот рука большая – это все мода на спорт, который уродует суставы... Но зато кожа выше всяких похвал. Ну и когда же свадьба? – перебила она сама себя, устремив взгляд в лицо Арчеру.

– Ох... – бормотала миссис Уэлланд, пока Арчер, с улыбкой глядя на свою невесту, отвечал:

– Как можно скорее, миссис Минготт, особенно если вы меня поддержите.

– Мы должны дать им время, мама, чтобы они получше узнали друг друга, – высказала сомнение, приличествующее случаю, миссис Уэлланд и получила от прародительницы отпор:

– Узнать друг друга? Ерунда! В Нью-Йорке и так все знают друг друга. Дай молодежи идти своим путем, а то шампанское выдохнется... Пусть поженятся перед Великим постом; зимой-то я могу схватить воспаление легких, а мне хочется устроить свадебный завтрак.

Последующие затем выражения радости, благодарности, удивления мягко перевели беседу в весьма приятное русло, когда вдруг дверь отворилась и на пороге возникла графиня Оленская в шляпке и меховой накидке. За ней неожиданно появился Бофорт.

Молодые дамы защебетали, приветствуя друг друга, а миссис Минготт величаво протянула банкиру свою пухлую руку, бывшую «модель модного скульптора».

– О, Бофорт! Какая редкая честь! – У нее была заграничная манера называть мужчин просто по фамилии.

– Благодарю. С удовольствием оказывал бы ее чаще, – весьма нахально отозвался гость. – Правда, обычно я бываю занят, но сегодня я встретил графиню на Мэдисон-сквер, и она любезно разрешила мне проводить ее.

– Ах, я надеюсь, что теперь, когда приехала Эллен, в доме станет веселее! – с неподражаемой непринужденностью вскричала миссис Минготт. – Садитесь, Бофорт, садитесь. Раз вы пожаловали ко мне, пододвиньте вот то желтое кресло, и давайте вволю посплетничаем. Я слышала, ваш бал был великолепен и вы будто бы пригласили миссис Лемюэл Стразерс. Мне было бы тоже ужасно любопытно ее повидать.

Она уже забыла о своих родственниках, которых Эллен Оленская проводила в прихожую. Старая миссис Минготт всегда восхищалась Джулиусом Бофортом – их объединяло общее несколько прохладное отношение к светским условностям. Сейчас она горела от желания узнать, что заставило Бофортов нарушить негласный запрет и пригласить миссис Лемюэл Стразерс, вдову главы компании по производству обувного крема, которая в прошлом году вернулась из Европы, совершив длительный процесс вживания в тамошнее общество, а теперь явилась брать с боем нью-йоркскую цитадель.

– Разумеется, раз вы с Региной сочли возможным ее пригласить, дело сделано. Я слышала, она все еще весьма хоро-

ша собой, и потом, нашим снобам так нужна свежая кровь и новые деньги, – заключила кровожадная старая дама.

В прихожей, пока миссис Уэлланд и Мэй облачались в свои меха, Арчер увидел, что графиня Оленская смотрит на него с улыбкой, в которой угадывался легкий немой вопрос.

– Вы, конечно, уже знаете – о нас с Мэй? – сказал он, отвечая на ее взгляд смущенным смехом. – Мэй недовольна тем, что я не сообщил вам эту новость вчера в Опере, – она велела мне это сделать, но мне не захотелось, там было столько народу...

Улыбка исчезла из глаз графини Оленской, скользнув по ее губам; она выглядела совсем юной и живо напомнила Арчеру озорную темноволосую Эллен Минготт из его детства.

– Конечно я знаю. Очень рада за вас. Разумеется, в толпе о таких вещах не говорят.

Дамы уже были у порога, и она протянула ему руку.

– До свидания, навестите меня как-нибудь, – сказала она, не отрывая взгляда от Арчера.

Спускаясь в карете по Пятой авеню, они подробно обсудили миссис Минготт – ее возраст, силу духа, исключительное своеобразие ее поступков. Об Эллен Оленской не было сказано ни слова. Но Арчер не сомневался, что миссис Уэлланд думает, как неосторожно со стороны Эллен чуть ли не на следующий день после приезда в самые оживленные часы разгуливать по Пятой авеню с Джулиусом Бофортом, потому что и сам думал о том же. К тому же ей следовало бы знать,

что молодому человеку, только что объявившему о помолвке, не стоит тратить время на то, чтобы навещать замужних женщин. Но он подозревал, что там, где она жила, это было в порядке вещей... И, несмотря на свои космополитические взгляды, которые составляли предмет его гордости, он возблагодарил Бога за то, что живет в Нью-Йорке и вот-вот женится на девушке своего круга.

Глава 5

Следующим вечером старый мистер Силлертон Джексон обедал у Арчеров.

Миссис Арчер была застенчивой женщиной и избегала появления в обществе; но она любила знать обо всем, что там происходит. А ее старый друг мистер Силлертон Джексон изучал дела своих знакомых с терпением собирателя древностей и скрупулезностью естествоиспытателя. В те же места, куда пользующийся огромным спросом брат попадать не успевал, устремлялась делившая с ним кров сестра, мисс Софи Джексон, которая приносила домой обрывки различных сплетен, которые он вставлял в недостающие фрагменты своих полотен.

Поэтому каждый раз, когда в обществе происходило что-то, о чем миссис Арчер хотелось бы узнать поподробнее, она приглашала мистера Джексона пообедать. Поскольку этой чести удостоивались немногие, а слушательницами миссис Арчер и ее дочь Джейни были прекрасными, мистер Джексон предпочитал не посылать к ним сестру, а являться самому. Правда, если бы он сам диктовал условия, то предпочел бы те вечера, когда Ньюланд отсутствовал. Не потому, что он недолюбливал его – они прекрасно ладили в клубе, – а потому, что старый сплетник ощущал его едва уловимый скептицизм, а дамы, разумеется, внимали мистеру Джексону

самозабвенно.

Если бы в мировом масштабе была возможна гармония, мистер Силлертон хотел бы только одного: чтобы еда в доме миссис Арчер была немного получше. Но с незапамятных времен Нью-Йорк, по большому счету, разделялся на две первоосновы – клан Минготтов и Мэнсонов, в сферу интересов которых входили еда, одежда и деньги, и клан Арчеров-Ньюландов-ван дер Лайденов, которые посвящали свой досуг различным утонченным удовольствиям – путешествиям, планировке садов, чтению хорошей литературы.

В конце концов, невозможно иметь все сразу. У Лавела Минготта вы тешите свое чревоугодие, потребляя внутрь нежнейшую утку, черепаховый суп и тончайшие вина; зато у Аделины Арчер можно побеседовать об альпийских пейзажах и «Мраморном Фавне», да и мадеру доставляли как-никак из-за мыса Доброй Надежды. Поэтому, получив приглашение от миссис Арчер, мистер Джексон всякий раз со свойственной ему мудростью говорил сестре:

После обеда у Лавела Минготта у меня слегка разыгралась подагра, – пожалуй, диета у Аделины будет для меня полезна.

Миссис Арчер, давно овдовев, жила с дочерью и сыном на Западной Двадцать восьмой улице. На верхнем этаже царствовал Арчер, а обе женщины обитали в тесноватых комнатах внизу. Они существовали там в полной гармонии, разво-

дя папоротники в урдовских ящиках,¹⁹ плетя макраме и вышивая шерстью по холсту и коллекционируя посуду времен Войны за независимость. Они выписывали журнал «Доброе слово», обожали романы Уйды за их «итальянскую атмосферу». Вообще-то они предпочитали романы из сельской жизни с описанием природы и возвышенных чувств, хотя с удовольствием читали и романы о людях из общества, чьи привычки и поступки были им понятнее. Они строго осуждали Диккенса за то, что он «никогда не изображал джентльменов», и считали, что Теккерей лучше описывает большой свет, чем Булвер, – который, впрочем, уже был близок к тому, чтобы считаться старомодным.

Мисс и миссис Арчер обожали природу. Именно пейзажи главным образом восхищали их во время нечастых поездок за границу, а архитектура и живопись, считали они, предназначена для мужчин, особенно для тех высокообразованных особей, что читают Рескина. Миссис Арчер была урожденной Ньюланд, и обе, мать и дочь, похожие как две сестры, были, как говорили в обществе, «типичные Ньюланды» – высокие, бледные, длинноносые, с покатыми плечами и мягкой улыбкой, с налетом изысканной томности и неуловимого легкого увядания, словно сошедшие с неярких портретов Рейнольдса. Их внешнее сходство было бы полным, если бы с течением времени черная парча матери не обтягивала ее

¹⁹ Переносные стеклянные оранжереи, изобретение английского ботаника Н. У орда.

формы все туже и туже, а коричневые и пурпурные поплины дочери не обвисали все более и более на ее девической фигуре.

Ньюланд отлично знал, что внутреннее сходство между ними не так велико, как казалось, из-за их совершенно идентичной манерности. Многолетняя близость и привычка жить бок о бок определяла их одинаковый словарный запас и манеру начинать фразы со слов: «Мама думает» или «Джейни думает», хотя каждая из них выражала всего лишь свое мнение; но на самом деле невозмутимая прозаичность миссис Арчер признавала лишь азбучные истины и общепринятые правила, тогда как таящаяся где-то в глубине души романтическая чувствительность Джейни иногда бурно прорывалась наружу.

Мать и дочь обожали друг друга, и обе они боготворили Арчера, и он любил их нежной любовью, чувствуя некоторую неловкость и угрызения совести от их неумеренного поклонения, но втайне очень довольный этим. Он находил приятным это обожание в собственном доме, хотя присущее ему чувство юмора иногда заставляло его усомниться в своем праве на это.

В тот вечер, о котором идет речь, молодой человек был совершенно уверен, что мистер Джексон желал бы не застать его дома но у него была причина не потворствовать этому.

Он знал наверняка, что старый Джексон придет поговорить с миссис Арчер и Джейни об Эллен Оленской и что все

трое будут раздосадованы его присутствием из-за ставшей теперь известной связи его с кланом Минготтов; и он с веселым любопытством ждал, как они выпутаются из этой затруднительной ситуации.

Они начали издали, обсуждая миссис Лемюэл Стразерс.

– Какая жалость, что Бофорты пригласили ее, – мягко заметила миссис Арчер. – Впрочем, Регина всегда делает то, что велит муж. А Бофорт...

– Определенные нюансы Бофорту недоступны, – сказал мистер Джексон, пристально разглядывая жареную сельдь и в тысячный раз изумляясь, почему кухарка миссис Арчер всегда превращает молоки в уголь. (Ньюланд, издревле разделявший это удивление, каждый раз узнавал об этом печальном факте по меланхолическому неудовольствию на лице старика.)

– Это неизбежно, ведь Бофорт столь вульгарен, – сказала миссис Арчер. – Правда, вращаясь в обществе джентльменов, особенно в Англии, ему удалось приобрести некоторый лоск... Но вся его история так таинственна. – Она покосилась на Джейни и замолчала. Хотя обе они досконально знали все, что касалось Бофорта, при посторонних миссис Арчер упорно делала вид, будто все это не для девичьих ушей. – Но эта миссис Стразерс, – продолжала она, – что вы можете сказать о ней, Силлертон? Кто она такая?

– Из рудников; или, вернее, из салуна, расположенного у входа в шахту. Затем колесила по Новой Англии с аттракци-

оном «живых восковых фигур». После того как полиция это прикрыла, она, говорят, жила... – Мистер Джексон в свой черед взглянул на Джейни, глаза которой постепенно округлялись под полуопущенными веками. О прошлом миссис Стразерс ей пока было известно далеко не все. – Затем, – продолжал мистер Джексон (и Арчер увидел немой вопрос в его взгляде: как могло так случиться, что никто не сказал дворецкому о том, что огурцы не режут стальным ножом?), – явился Лемюэл Стразерс. Кажется, его агент использовал девушку для рекламы сапожной ваксы – у нее ведь иссиня-черные волосы, этакий египетский стиль. В любом случае... все кончилось тем, что она вышла замуж, – заключил Джексон, и это его «в любом случае» таило бездну туманного смысла...

– Все это так... но в нынешние времена это не имеет никакого значения, – равнодушно отозвалась миссис Арчер. По-настоящему дам за столом интересовала тема гораздо более свежая и захватывающая – информация об Эллен Оленской. И само имя-то миссис Стразерс было произнесено за столом затем, чтобы плавно перевести разговор на другой предмет и спросить: – А что эта новая родственница Ньюланда – графиня Оленская? Она-то была на балу?

Легкий отзвук сарказма прозвучал в ее голосе при упоминании бала, на котором был ее сын, – и Арчер знал, с чем это связано. Миссис Арчер, никогда особенно не восхищавшаяся деяниями людей, была в целом рада его помолвке. («Особенно после этой неразумной истории с миссис Рашуорт», –

как она заявила Джейни, намекая на ту историю, след от которой, казалось Ньюланду, навсегда оставил шрам в его душе.) В Нью-Йорке не было партии лучше Мэй, с какой бы точки зрения это ни рассматривать, – и, хотя она считала, что этот брак был всего лишь тем, что ему в общем-то полагалось, было просто чудом, что ее единственному сыну удалось благополучно миновать Остров сирен и бросить якорь в тихой гавани, – молодые люди так неразумны, а некоторые женщины так коварны.

Таковы были ее чувства, и сын прекрасно знал о них – но он также знал, что ее тревожит преждевременное объявление помолвки, или, вернее, то, что было ее причиной, – потому-то он и остался дома в этот вечер. «Не то чтобы я не одобряла то, что Минготты горой стоят друг за друга; но почему помолвка Арчера должна зависеть от приездов и отъездов какой-то Оленской», – ворчала миссис Арчер наедине с Джейни, единственной свидетельницей легких отступлений от обычной генеральной линии абсолютного добродушия.

Во время визита к миссис Уэлланд она была столь благожелательна – безупречно благожелательна, – но Ньюланд чувствовал (а Мэй, возможно, догадалась), что они с Джейни все время нервничали из-за возможного появления Элен Оленской, и когда они вместе вышли, миссис Арчер позволила себе заметить сыну: «Я так благодарна Августе Уэлланд, что она приняла нас одна».

Это выражение внутренней тревоги заставило Арчера еще

более утвердиться в мысли, что Минготты зашли слишком далеко. Однако мать и сын, по неписаным правилам, принятым в их доме, не позволяли себе даже намекать на то, что переполняло их мысли. Поэтому он сказал просто: «Теперь нас ожидают традиционные семейные приемы; чем скорее мы пройдем через это, тем лучше», на что его мать промолчала, поджав губы под кружевной вуалью серой бархатной шляпки, украшенной гроздью винограда.

Он понял, что ее месть – вполне, по его мнению, законная – будет состоять в том, чтобы «натравить» мистера Джексона на графиню Оленскую этим вечером, и теперь, когда он публично выполнил свой долг по отношению к минготтовскому клану, он не возражал посудачить об этой леди в частном, так сказать, порядке – хотя, надо признаться, эта тема уже начала докучать ему.

Мистер Джексон положил себе на тарелку кусок подостывшего мяса, которым обносил всех дворецких с таким же скептическим взглядом, как и у него самого, и затем, едва заметно сморщив нос, отверг грибной соус. Он отнюдь не выглядел сытым и довольным, и Арчер решил, что он сейчас продолжит трапезу, закусывая графиней Оленской.

Мистер Джексон откинулся на спинку кресла, подняв глаза на освещенных свечами Арчеров, Ньюландов и ван дер Лайденов в темных рамах, висящих на темных стенах.

– А как ваш дедушка любил хорошо отобедать, мой милый Ньюланд! – сказал он, не отрывая глаз от портрета пух-

лого широкогрудого молодого человека в шарфе и синем сюртуке на фоне загородного дома с белыми колоннами. – Да-да-да... Хотел бы я знать, что бы он сказал обо всех этих браках с иностранцами!

Миссис Арчер проигнорировала намек на то, что в прежние времена трапезы в семье, к которой она принадлежала, были более изысканны, и мистер Джексон осторожно приступил к долгожданной теме беседы:

– Нет, на балу ее не было.

Вот как, – пробормотала миссис Арчер тоном, который означал: «Хватило ума сообразить».

– Возможно, Бофорты с нею незнакомы? – с простодушным ехидством предположила Джейни.

Едва заметно с наслаждением сглотнув, словно пробуя невидимую мадеру, Джексон ответил:

– Возможно, миссис Бофорт и нет, но сам Бофорт точно знаком, потому что не далее как сегодня днем они прогуливались на виду у всего Нью-Йорка по Пятой авеню.

– Боже... – простонала миссис Арчер, осознав всю невозможность объяснить действия иностранцев чувством деликатности.

– Интересно, какую шляпку она носит днем – капором или без полей, – задумчиво проговорила Джейни. – Я знаю, что в Опере она была в темно-синем бархатном платье, совершенно прямом и ровном – как ночная рубашка.

– Джейни! – предостерегающим тоном сказала мать.

Краска проступила сквозь легкий вызов, плясавший на лице мисс Арчер.

– Во всяком случае, у нее хватило вкуса не поехать на бал, – продолжала миссис Арчер.

Дух противоречия заставил сына возразить:

– Я думаю, что вкус тут ни при чем. Мэй сказала, что она намеревалась ехать, но решила, что вышеупомянутое платье недостаточно шикарно.

Слова эти лишь послужили подтверждению мыслей мисс Арчер, и она улыбнулась.

– Бедняжка Эллен, – сказала она и сочувственно добавила: – Мы должны помнить о том, какое эксцентричное воспитание она получила от Медоры Мэнсон. Чего можно ожидать от девушки, которая появилась на своем первом балу в черном платье?

– Неужели? Я этого совершенно не помню! – сказал мистер Джексон и тоже воскликнул «Бедняжка!» тоном человека, который, наслаждаясь воспоминаниями, убеждает себя в то же время, что тогда уже чувствовал, что это предвещает беду.

– Странно, что она сохранила это дурацкое имя – Эллен. Нет чтоб изменить его, скажем, на Элэйн, – сказала Джейни и огляделась вокруг, чтобы увидеть впечатление от своих слов.

– Почему именно «Элэйн»? – засмеялся ее брат.

– Ну не знаю. Это звучит более... более по-польски, – ска-

зала она, снова покраснев.

– Это больше привлекает внимание, а я не думаю, чтобы она была в этом заинтересована, – сухо заметила миссис Арчер.

– Почему нет? – вмешался ее сын, повинувшись внезапному желанию поспорить. – Почему она не должна привлекать внимание? Почему она должна прятаться, как будто она себя опозорила? Она превратилась в «бедняжку Эллен», потому что ей не повезло в браке, но я не вижу причины, из-за которой она должна ходить понутив голову, словно преступница.

– Насколько я понимаю, – задумчиво произнес мистер Джексон, – эта та линия, которой собираются следовать Минготты.

Молодой человек покраснел.

– Я не нуждаюсь в суфлерах, если именно это вы имели в виду. Мадам Оленская несчастна, но она не отверженная.

– Но ходят слухи... – сказал мистер Джексон, нерешительно взглянув в сторону Джейни.

– О, я знаю – насчет секретаря, – подхватил Арчер. – Ничего, ничего, мама, Джейни уже достаточно взрослая. – То ли так, то ли этак – но секретарь помог ей уехать от мерзавца мужа, который обращался с ней как с пленницей. Ну и что? Надеюсь, среди нас нет человека, который не поступил бы так же в подобных обстоятельствах.

Мистер Джексон, слегка повернувшись, подозвал взглядом через плечо угрюмого дворецкого.

– Может быть... того союза... совсем чуть-чуть. – И, положив себе немного, продолжил: —Мне сказали, она ищет дом. Собирается поселиться здесь.

– А я слышала, что она собирается разводиться, – рискнула вставить Джейни.

– Надеюсь, она это сделает! – воскликнул Арчер.

В мирной, безмятежной обстановке гостиной Арчеров эти слова произвели эффект разорвавшейся бомбы. Тонкие брови миссис Арчер подскочили вверх, что означало: «Здесь дворецкий!» – и молодой человек, мысленно обругав себя за потерю вкуса – что, разумеется, и значило обсуждение столь интимного вопроса на публике, – поспешил перейти к рассказу о посещении старой миссис Минготт.

После обеда, по старинному обычаю, миссис Арчер и Джейни, оставив джентльменов внизу курить, прошелестели длинными шелковыми юбками наверх в гостиную, где, усевшись друг напротив друга у круглой лампы за рабочим столиком красного дерева, под которым был зеленый шелковый мешок, принялись с двух сторон вышивать полевые цветы на коврике для запасного стула в гостиной юной миссис Ньюланд Арчер.

Пока в гостиной совершался этот ритуал, Арчер усадил мистера Джексона в кресло у камина в готической библиотеке и вручил ему сигару. Мистер Джексон удовлетворенно погрузился в кресло. Поскольку сигары покупал сам Ньюланд и, следовательно, за качество можно было не опасаться, он с

удовольствием раскурил ее, подтянув свои тощие лодыжки поближе к углям, и заметил:

– Так вы говорили, что секретарь только лишь помог ей бежать, мой юный друг? Но процесс помощи затянулся надолго – год спустя их видели в Лозанне. Они жили вместе.

Ньюланд покраснел:

– Ну и что такого? Она что, не имеет права начать все сначала? Меня тошнит от наших лицемерных обычаев, из-за которых молодая женщина должна похоронить себя заживо, в то время как ее муж предпочитает забавляться с проститутками.

Он сердито замолчал и отвернулся, чтобы раскурить свою сигару.

– Женщины должны обладать той же свободой, что и мы, – объявил он, сделав сенсационное открытие, и раздражение помешало ему понять все его значение и последствия.

Мистер Силлертон Джексон подвинул лодыжки поближе к огню и сардонически свистнул.

– Что ж, – сказал он после некоторой паузы, – я думаю, граф Оленский разделяет ваше мнение, поскольку, как мне известно, он и пальцем не пошевелил, чтобы вернуть жену.

Глава 6

В тот вечер, когда наконец мистеру Джексону удалось заставить себя убраться восвояси, а дамы отправились в свою всю в ситцевых занавесках спальню, Ньюланд Арчер в задумчивости поднялся в свой кабинет. Невидимая волшебная рука, как всегда, развела огонь в камине и прикрутила в лампе фитиль; и уютная комната с рядами бесчисленных книг, бронзовыми и стальными фехтовальщиками на каминной полке, фотографиями знаменитых картин, как всегда, гостеприимно приняла его в свои объятия.

Он уселся в кресло у камина, и взгляд его упал на огромную фотографию Мэй Уэлланд, которую она подарила ему в начале их романа и которая постепенно вытеснила все остальные портреты с его стола. С неведомым ранее чувством благоговения он смотрел на этот чистый лоб, серьезные глаза и смеющийся рот невинного создания, которое отныне ему предстояло беречь и охранять от невзгод. Внушающий священный трепет «продукт» общественной системы, к которой он принадлежал и в которую верил, эта юная девушка, не знающая ничего и ожидающая всего, обернувшись, смотрела на него как незнакомка, и сквозь это неизвестное лицо проступали любимые черты. И какое-то смутное предчувствие зашевелилось в нем уже не в первый раз, предчувствие того, что брак – не тихая пристань, как всегда ему го-

ворили, а путешествие по неизведанным морям.

История с Оленской сдвинула с места его устоявшиеся убеждения, и, оживившись, в мозгу его зашевелились весьма опасные мысли. Его собственные слова: «Женщины должны быть так же свободны, как и мы», – затронули самую основу проблемы, которой в его мире, с общего молчаливого согласия, не существовало.

«Порядочным» женщинам, как бы с ними ни обращались, никогда бы и в голову не пришло требовать той свободы, которую «великодушные» мужчины вроде него в пылу спора могли им предложить. Эти словесные щедроты были на самом деле мыльным пузырем, который лопался и обнажал паутину условностей, опутывающую все и крепко держащую людей в рамках старых обычаев.

Он взял на себя защиту кухни своей невесты – но ведь, окажись на месте кухни сама Мэй, разве он не призывал бы на ее голову громы и молнии Церкви и государства? Конечно, дилемма была абсолютно гипотетической – он же не мерзкий полячишка-аристократ, и было бы странно обсуждать, что он бы делал, если бы им был. Но Ньюланд Арчер обладал достаточным воображением, чтобы не почувствовать: их союз с Мэй мог бы порваться и от гораздо менее веских причин. Как они, в самом деле, могут узнать друг друга, если он, как «порядочный» молодой человек, обязан скрывать свое прошлое, а она, как «девушка на выданье», обязана его вообще не иметь? Что, если по какой-то неизвестной причи-

не они устанут друг от друга, перестанут понимать друг друга, станут раздражать друг друга? Что тогда? Он мысленно перебрал браки своих друзей – якобы счастливые – и не нашел ни одного, который бы даже отдаленно соответствовал картине той страстной и нежной дружбы, которую он рисовал себе, думая о них с Мэй. Он понял вдруг, что эта картина, о которой он так мечтал, требовала от Мэй свободы суждений, опыта, размаха мыслей – словом, всех тех черт, отсутствие которых в ней старательно воспитывали. Он ужаснулся предчувствию, что их брак обречен стать таким же, как все остальные вокруг, – скучным союзом материальных и общественных интересов, который скреплен, с одной стороны, лицемерием, а с другой – неведением. Ближе всего к этому завидному идеалу был Лоуренс Леффертс, решил Арчер. Как и полагалось верховному жрецу «хорошего тона», он достиг таких виртуозных высот в том, чтобы отшлифовать свою жену соответственно своим надобностям, что даже в самом разгаре его романа с очередной замужней дамой она улыбалась простодушно, лепеча: «Ах, Лоуренс – человек таких невыносимо строгих правил», – и негодуя краснела, отводя глаза, если кто-нибудь в ее присутствии намекал на то, что Джулиус Бофорт (чего еще ждать от сомнительного иностранца) имел побочную семью.

Арчер попытался утешить себя, что он не такой осел, как Лэрри, а Мэй не столь проста, как Гертруда Леффертс; но, в конце концов, разница была лишь в степени развития ума –

существа дела это не меняло. Все они жили в закодированном мире, где никто не говорит и не делает ничего реального, более того – и не думает ни о чем реальном, а сами реальные вещи обозначены иероглифами. Взять хотя бы миссис Уэлланд, которая прекрасно знала, почему Арчер настоял, чтобы на балу у Бофортов объявили о помолвке, да и ждала от него этого. Но тем не менее она считала необходимым делать вид, что противится этому и лишь уступает его настояниям, подобно обычаю дикарей (как описывалось в книгах о первобытном человеке), удерживать невесту в хижине родителей, откуда ее с дикими криками приходилось жениху выдирать.

О, какой загадкой, помещенной в самый центр этой обманной системы, представала перед женихом правдивая и самоуверенная девушка! Она-то была откровенной, потому что ей нечего было скрывать, и уверенной в себе, потому что не знала, какие опасности ее подстерегают. И без всякой подготовки – за одну ночь – погружалась в то, что уклончиво называли «прозой жизни».

Арчер был искренне влюблен, хотя в этой любви не было страсти. Он восхищался лучезарной красотой своей невесты; каждое ее движение, ловкое и грациозное, – в играх или когда она ездил верхом – было наполнено чудесным здоровьем. В придачу к этому он с радостью наблюдал робкий интерес к его книгам и идеям – правда, она еще не была в состоянии почувствовать все очарование Улисса и лотофа-

гов, но уже была достаточно развита, чтобы вместе с ним подтрунивать над «Королевскими идиллиями».²⁰ Она казалась ему прямой, верной и храброй, он признавал за ней чувство юмора (поскольку она смеялась в ответ на его шутки), да и вообще он предвкушал, что в глубине ее невинной души дремлют чувства, которые будет так приятно разбудить... В целом мысленный марш-бросок по своим будущим владениям удовлетворил его, но его тревожили мысли о, так сказать, ненатуральности продукта, получаемого в собственность. Нетронутая человеческая натура не может быть откровенной и простодушной инстинкт самосохранения толкает ее на уловки и ухищрения, считал Арчер. Он чувствовал, как его раздражает эта искусственная чистота, так хитро сфабрикованная разными мамушками и тетушками, бабушками и давно сгинувшими прародительницами, по мнению которых, именно это – предмет его желания, и именно на это он имеет законное право, которое состоит именно в том, чтобы позволить ему, властелину, исполнить свою прихоть и разрушить этот вожделенный предмет, словно пинком разломать слепленную кем-то снежную бабу.

Эти размышления были весьма банальны для человека накануне свадьбы. Однако обычно рука об руку с ними бредут угрызения совести – а вот этого в Арчере не было и следа. Он раздражался, читая Теккерея, когда его герой причитал,

²⁰ «Королевские идиллии» произведение английского поэта XIX в. А. Теннисона на тему легенд о рыцарях Круглого стола и короле Артуре.

что жизнь его – не чистая страница, которую он хотел бы обменять на ее безупречность. Он стоял на том, что, если бы он был воспитан в духе Мэй, им обоим пришлось бы блуждать по жизни. И сейчас он не мог, как ни старался, найти причины, почему его невеста, пока была свободной, не могла, подобно ему, делать какие-то собственные шаги и приобретать какой-то опыт – кроме, разумеется, одной, вполне эгоистичной и мужской, связанной с мужским тщеславием...

Конечно, в появлении таких или подобных им мыслей нет ничего особенного накануне свадьбы; но Арчер чувствовал, что они столь неприятно назойливы и отчетливы только из-за графини Оленской, появившейся так некстати. Из-за нее он в самую помолвку – момент, словно созданный для чистых мыслей и безоблачных надежд, – угодил в самую сердцевину скандальной истории, что он предпочел бы не делать из-за возникших в связи с этим проблем.

– Черт побери эту Оленскую! – пробормотал он, разворошил угли и начал раздеваться.

Он никак не мог понять, почему ее судьба должна была хоть в какой-то степени иметь к нему отношение, но у него возникло смутное ощущение, что он только сейчас начинает понимать, какую ответственность он взвалил на себя в связи с этой помолвкой.

Через несколько дней небеса разверзлись и грянул гром. Лавел Минготты разослали приглашения на так называемый парадный обед (три дополнительных ливрейных лакея,

две перемены каждого из блюд и римский пунш в середине), озаглавленные: «В честь встречи графини О ленской». Все было сделано по законам американского гостеприимства, которое приравнивало чужестранцев к коронованным особам или, по крайней мере, к послам.

Гости были отобраны с той смелостью и придирчивостью, в которой посвященный сразу мог узнать твердую руку Екатерины Великой. Это, во-первых, были проверенное временем семейство Селфридж Мерри, которых приглашали всюду потому, что так издавна повелось, Бофорты, которые претендовали на родство, и мистер Силлerton Джексон со своей сестрой Софи (она выезжала тогда, когда ей разрешал брат). Во-вторых, было приглашено несколько самых модных и в то же время безупречных и влиятельных пар «молодого круга» – Лоуренс Леффертсы с хорошенькой вдовушкой миссис Леффертс Рашуорт, Гарри Торли, Реджи Чиверсы, и молодой Моррис Дагонет с женой, которая была из семьи ван дер Лайден. Компания была подобрана исключительно удачно, поскольку все члены ее принадлежали к узкой группе людей, спянных общими бесконечными развлечениями в течение всего долгого нью-йоркского сезона.

Спустя сорок восемь часов произошло нечто невероятное – приглашение Минготтов отклонили все, кроме Бофортов и старого Джексона с сестрой. Намеренное оскорбление было тем ужаснее, что отказались даже Реджи Чиверсы, которые входили в клан Минготтов, а в записках, содержащих все как

одна холодный текст «Сожалею, что не сможем приехать» без каких-либо смягчающих обстоятельств и объяснений, не сквозила даже элементарная вежливость.

В те дни нью-йоркское общество было столь небольшим, что каждый, кто имел к нему хоть какое-нибудь отношение, включая поваров, дворецких и владельцев наемных карет, точно знали, у кого какой вечер занят. И поэтому все получившие приглашение могли таким образом точно и жестко выразить свое нежелание встречаться с графиней Оленской.

Удар был неожиданным; но Минготты, как всегда, приняли его стоически. Миссис Лавел Минготт пожаловалась миссис Уэлланд, миссис Уэлланд – Арчеру; тот, вне себя от гнева, пересказал случившееся матери, и она, после мучительной борьбы с собой и безуспешных стараний умерить его пыл, как всегда, уступила любимому сыну, надела серую бархатную шляпку и сказала: «Я еду повидать Луизу ван дер Лайден».

Нью-Йорк времен Арчера напоминал маленькую скользкую пирамиду, прицепиться к которой или обнаружить в одной хоть щелочку, чтобы втиснуться, было делом почти невозможным. Ее незыблемую основу составляли те, кого миссис Арчер называла «обыкновенные люди», – достойное, но ничем не выделяющееся большинство семейств (таких, как Спайсеры, Леффертсы и Джексоны), которые поднялись на более высокий уровень путем «правильных» браков. Люди, говорила миссис Арчер, не так теперь разборчивы, как в

старые времена; и теперь, когда на одном конце Пятой авеню правит старая Кэтрин Спайсер, а на другом – Джулиус Бофорт, невозможно сохранить традиции очень долго.

Над этим процветающим, но невысоким нижним уровнем располагалась, сильно сужаясь кверху, влиятельная и крепко спаянная группа, активно представленная Минготтами, Ньюландами, Чиверсами и Мэнсонами. Большинство признавало их вершиной пирамиды; но они сами, по меньшей мере поколение миссис Арчер, знали, что в глазах знатока генеалогии очень немногие могли претендовать на это.

– Не твердите мне всю эту газетную чепуху насчет нью-йоркской аристократии, – говорила детям миссис Арчер. – Если она и есть, то ни Минготты, ни Мэнсоны к ней не принадлежат, как, впрочем, и Ньюланды, и Чиверсы. Наши деды и прадеды были просто почтенными английскими или голландскими купцами, которые приехали в колонии в погоне за богатством и остались, потому что им улыбнулась фортуна. Один из ваших дедов подписал Декларацию независимости,²¹ другой был генералом в штабе Вашингтона и был награжден шпагой Бергойна после битвы при Саратоге.²² Вы можете этим гордиться, но это не титулы и не знатность...

²¹ 4 июля 1776 г. была провозглашена независимость американских колоний от Великобритании и подписана Декларация независимости, то есть предок Арчеров был одним из основателей США.

²² Битва при Саратоге (1777 г.) одна из решающих битв в борьбе за независимость, в результате которой английские войска под командованием генерала Д. Бергойна потерпели поражение.

Нью-Йорк всегда был торговым городом, и на самом деле аристократов среди нас раз-два и обчелся.

Миссис Арчер, ее сын и дочь, как и все остальные в Нью-Йорке, знали, кто эти избранные: Дагонеты с Вашингтон-сквер (из английских аристократов, связанных с Питтами и Фоксами²³), Лэннинги, породнившиеся с потомками графа де Грасса, и ван дер Лайдены, прямые потомки первого голландского губернатора Манхэттена, еще до Войны за независимость связавшего свое семейство с французской и английской аристократией путем нескольких удачных браков.

От Лэннингов остались лишь старушки, древние, но очень бойкие две мисс Лэннинг, весело и беззаботно доживавшие свой век среди воспоминаний, семейных портретов и мебели «чиппендейл». Дагонеты, довольно значительный клан, были связаны с лучшими именами Балтимора и Филадельфии; а что касается ван дер Лайденов, то они парили высоко над всеми, почти растворяясь в неземном сумеречном сиянии, в котором вырисовывались лишь две фигуры – мистер и миссис Генри ван дер Лайден.

Миссис Генри ван дер Лайден была урожденная Луиза Дагонет, а ее мать была из старинной семьи с нормандских островов, внучкой полковника дю Лака, который воевал под началом Корнуоллиса и после войны поселился в Мэриленде со своей невестой, леди Анжеликой Тревенна, пятой доче-

²³ Знаменитые английские аристократические фамилии.

рю графа Сент-Острей. Дагонеты, мэрилендские дю Лаки и их знатные родичи Тревенна из Корнуолла всегда сохраняли тесную сердечную связь. Мистер и миссис ван дер Лайден не раз подолгу гостили у теперешнего главы дома Тревенна, герцога Сент-Острей, в Глостершире и в его поместье в Корнуолле, и его светлость нередко говаривал о своем желании как-нибудь нанести ответный визит. Конечно, без герцогини, которая боялась пересекать Атлантику.

Мистер и миссис ван дер Лайден делили свое время между Тревенна, загородным домом в Мэриленде, и Скайтерклиффом, большим поместьем на берегу Гудзона, которое было подарено еще во времена оны голландским правительством знаменитому первому губернатору и патроном²⁴ которого все еще оставался мистер ван дер Лайден.

Их огромный напыщенный особняк на Мэдисон-авеню редко распахивал двери – когда они изредка приезжали в город, то приглашали только близких друзей.

– Будет лучше, если ты поедешь со мной, Арчер, – попросила миссис Арчер, вдруг остановившись уже у дверцы брауновской кареты. – Луиза тебя любит; и потом, это все ведь ради нашей дорогой Мэй... Ну, конечно, и потому, что если мы не будем поддерживать друг друга, то общество просто перестанет существовать.

²⁴ Патрон здесь: владелец поместья с феодальными привилегиями.

Глава 7

Миссис Генри ван Лайден внимала повествованию своей кузины миссис Арчер в полном молчании.

Вы могли сколько угодно убеждать себя заранее в том, что миссис ван Лайден вообще была молчаливой, что, сдержанная и от природы и по воспитанию, она на самом деле была очень добра к людям, которые ей небезразличны. Но даже предыдущий положительный опыт не мог защитить вас от холодной дрожи, невольно охватывающей в гостиной на Мэдисон-авеню с высокими потолками и белыми стенами, где с кресел, обитых светлой парчой, явно только что сняли чехлы по случаю вашего прихода, но тонкие газовые занавески еще скрывали каминный орнамент золоченой бронзы и «Леди Анжелику дю Лак» Гейнсборо в старинной резной раме.

Напротив висел портрет кисти Хантингтона самой миссис ван дер Лайден, одетой в костюм венецианки. Было принято считать, что этот портрет «не уступает Кабанелю», и хотя он был написан двадцать лет назад, сходство оставалось поразительным. И в самом деле, та миссис ван дер Лайден, которая сидела под ним, слушая миссис Арчер, и та молодая женщина в черном бархатном платье на портрете в позолоченном кресле на фоне зеленой репсовой шторы были словно сестрами-близнецами. Миссис ван дер Лайден все еще надевала черный бархат и венецианские кружева, когда она выезжала

в свет или, скорее, когда она принимала его у себя, поскольку давно уже обедала только дома. Ее светлые волосы почему-то не поседели, а лишь слегка поблекли, были по-прежнему расчесаны на прямой пробор, а безупречно прямая линия носа, разделявшая бледно-голубые глаза, по сравнению с той, что была на портрете, лишь слегка заострилась, огибая ноздри. Арчера и в самом деле всегда поражало, как она сохранилась в этой безвоздушной атмосфере ее безупречного существования – словно тело, застывшее во льду, сохранившее живые краски, но мертвое.

Как и вся его семья, он почтительно преклонялся перед миссис Лайден, но он понимал, что при всей ее мягкой доброжелательности договориться с ней гораздо труднее, чем с воинственными старыми девами, мрачными престарелыми материнскими тетушками, которые из принципа отвечали «нет» прежде, чем узнавали, чего от них хотят.

Миссис ван дер Лайден не отвечала ни «да», ни «нет» и всегда излучала крайнюю доброжелательность, до тех пор пока ее губы наконец не складывались в слабую улыбку, и, как правило, раздавались слова: «Я сначала должна обсудить это с мужем».

Она и мистер ван дер Лайден были настолько похожи, что Арчер удивлялся, как через сорок лет после такого тесного супружества этим двум почти совершенно сросшимся существам удавалось разъединиться настолько, чтобы совершить акт беседы, который все же может содержать в себе полеми-

ку. Но поскольку ни один из них никогда иным образом не принял никакого решения, миссис Арчер с сыном, изложив обстоятельства своего дела, покорно ждали хорошо известной фразы.

Однако миссис ван дер Лайден, которая редко кого-то удивляла, на сей раз удивила их, неожиданно протянув руку к звонку.

– Я думаю, – сказала она, – Генри следовало бы тоже выслушать то, о чем вы рассказали.

Вошел лакей, и она добавила, обращаясь к нему:

– Если мистер ван дер Лайден закончил читать газету, пусть он будет так добр подойти к нам.

Она произнесла «читать газету» таким тоном, которым жена премьер-министра произнесла бы «председательствовать на заседании кабинета», и не из-за того, что хотела показать свое высокомерие, а просто по долголетней привычке, поддерживаемой отношением друзей и родных, считать малейший жест, а тем более занятие мистера ван дер Лайдена священнодействием.

Стремительность ее реакции доказывала, что она, как и миссис Арчер, считает дело весьма срочным; но чтобы заранее не связать себя какими-либо обязательствами, она добавила с любезнейшей улыбкой:

– Генри всегда рад видеть вас, дорогая Аделина; и, конечно, он захочет поздравить Ньюланда.

Двойные двери торжественно отворились, и на пороге по-

явился мистер ван дер Лайден во фраке, высокий, худой, с такими же светлыми выцветшими волосами и прямым носом, как у жены, и с точно таким же застывшим выражением доброжелательности в глазах, правда, не бледно-голубого, а бледно-серого цвета.

Мистер ван дер Лайден тихим голосом по-родственному любезно поприветствовал миссис Арчер, в тех же выражениях, что и его жена, поздравил Ньюланда, после чего с простотой царствующего монарха поместил себя в одно из светло-парчовых кресел.

– Я как раз кончил читать «Тайме», – сказал он, соединяя вместе кончики длинных пальцев. – Когда мы здесь, в городе, то первая половина дня у меня просто переполнена делами, и читать газеты приходится после ленча.

– Такой распорядок дня очень удобен, – с готовностью откликнулась миссис Арчер. – Насколько я помню, дядюшка Эгмонт вообще предпочитал читать утренние газеты после обеда. Он говорил, что так он меньше волнуется.

– Да... Мой отец терпеть не мог куда-то торопиться. Но теперь мы живем в вечной спешке, – сказал мистер ван дер Лайден, обводя взглядом комнату, точно укутанную в саван, казавшуюся Арчеру последней завершающей каплей в образе ее обладателей.

– Ты на самом деле закончил свое чтение, Генри? – вмешалась его жена.

– Да, конечно, – уверил он ее.

– В таком случае я хочу, чтобы Аделина тебе кое-что рассказала.

– Вообще-то это касается Ньюланда, – рассмеялась его мать; затем она повторила страшную историю об оскорблении, нанесенном Минготтам. – Конечно, – закончила она, Августа Уэлланд и Мэри Минготт, особенно из-за помолвки Ньюланда, решили, что вы об этом ДОЛЖНЫ ЗНАТЬ.

– О, – с глубоким вздохом произнес мистер ван дер Лайден.

Воцарилось глубокое молчание, в котором тиканье стоявших на мраморной полке камина бронзовых часов напоминало пушечные выстрелы. Арчер с благоговением взирал на две стройные поблекшие фигуры, сидевшие рядом друг с другом, словно величества на троне. Волею судеб они были превращены в неких оракулов, дающих ответы на все вопросы, тогда как они предпочли бы жить в простоте и уединении, выкапывая незримые сорняки на совершенных лужайках Скайтерклиффа и раскладывая по вечерам пасьянс.

Наконец мистер ван дер Лайден прервал молчание.

– Вы в самом деле уверены, что это произошло по причине... какого-то преднамеренного вмешательства Лоуренса Леффертса? – спросил он, обращаясь к Арчеру.

– Я в этом уверен, сэр. Не при тете Луизе будь сказано, он опять завел в последнее время бурный роман – с женой почтмейстера, или что-то в этом роде. А как только у бедной Гертруды появляются подозрения и он начинает опа-

саться неприятностей, он обычно поднимает шум такого рода, пытаясь доказать свой высокий моральный уровень. Вот он и стал везде кричать, какая наглость заставляя его жену встречаться с теми, с кем он не желает ее знакомить. Он попросту использовал госпожу Оленскую как громоотвод, я уже и прежде это видел, но на этот раз он явно перестарался.

– ЛЕФФЕРТСЫ! – сказала миссис ван дер Лайден.

– ЛЕФФЕРТСЫ! – с точно тем же непередаваемым выражением повторила миссис Арчер. – Что бы сказал дядя Эгмонт о том, что Лоуренс Леффертс позволяет себе судить о чьем-то положении в свете? До чего докатилось общество!

– Будем надеяться, что не все еще так плохо, – твердо сказал мистер ван дер Лайден.

– Ах, если бы вы с Луизой больше выезжали! – вырвалось у миссис Арчер.

Однако она сразу поняла свою ошибку. Ван дер Лайдены весьма негативно реагировали на любое критическое замечание насчет их уединенного существования. Они были судом высшей инстанции, вершителями судеб, и знали это, покорившись своей судьбе. Но, будучи от природы людьми скромными и застенчивыми, они совершенно не были в восторге от своей роли и столько времени, сколько было возможно, проводили в сельском уединении в Скайтерклиффе; а когда им случалось быть в городе, они старались отклонять все приглашения, ссылаясь на слабое здоровье миссис ван

дер Лайден.

Ньюланд Арчер пришел матери на помощь:

– Весь Нью-Йорк считается с вашим мнением. Поэтому миссис Минготт сочла необходимым посоветоваться с вами по поводу оскорбления, нанесенного графине Оленской.

Миссис ван дер Лайден переглянулась с мужем.

– Мне не нравится сам принцип, – сказал мистер ван дер Лайден. – Пока члены уважаемой семьи считают нужным поддерживать своего члена, их мнение должно считаться окончательным.

– Я тоже так считаю, – сказала его жена таким тоном, словно выразила какую-то новую мысль.

– Я не думал, что дело так плохо, – продолжал мистер ван дер Лайден. Он помолчал и посмотрел на миссис ван дер Лайден. – Мне кажется, моя дорогая, что графиня Оленская и нам родня – через первого мужа Медоры Мэнсон. И в любом случае она станет ею после свадьбы Ньюланда. – Он повернулся к молодому человеку. – Вы читали утреннюю «Тайме», Ньюланд?

– Да, конечно, – сказал Арчер, который за утренним кофе просматривал с полдюжины газет.

Муж и жена посмотрели друг на друга. Их бледные глаза провели немое совещание; затем на лице миссис ван дер Лайден появилась слабая улыбка. Было ясно, что она поняла и одобрила его решение.

Мистер ван дер Лайден обратился к миссис Арчер:

– Если бы здоровье Луизы позволяло обедать вне дома, я бы попросил вас передать миссис Лоуэлл Мингготт, что мы с Луизой... э-э-э... были бы счастливы занять места Леффертсов на обеде. – Он помолчал, дабы его ирония произвела на всех впечатление. – Но вы знаете, что это невозможно. – Миссис Арчер сочувственно вздохнула. – Однако Ньюланд смотрел сегодня «Тайме» и должен знать, что родственник Луизы, герцог Сент-Острей, через неделю прибудет сюда на пароходе «Россия». Он хочет следующим летом принять участие в международных гонках на Кубок и должен осмотреть свою яхту, «Джиневру». А потом поехать поохотиться на уток. – Мистер ван дер Лайден снова замолк, а потом продолжал еще более благодушно: – Но перед отъездом в Мэриленд мы хотим пригласить сюда нескольких друзей познакомиться с ним – небольшой обед и затем прием. Я уверен, что Луиза, как и я, будет рада, если графиня Оленская разрешит нам включить ее в число наших гостей. – Он встал, склонив свое длинное тело в дружеском поклоне кухне, и добавил: – Я думаю, что могу сказать от имени Луизы следующее: она сама отвезет приглашения на обед, когда отправится на прогулку – разумеется, с нашими карточками.

Миссис Арчер, поняв, что это намек на то, что гнедые у дверей уже стучат копытами, поднялась с торопливыми изъявлениями благодарности. Миссис ван дер Лайден торжественно сияла улыбкой Эсфири, ходатайствующей перед

Артаксерксом,²⁵ но ее муж протестуяще поднял руку:

– Не за что благодарить, дорогая Аделина, совершенно не за что. Таких вещей не должно быть в Нью-Йорке, и не будет, покуда это в моей власти, – произнес он с царственной снисходительностью, провожая родственников к дверям.

Два часа спустя каждому стало известно, что четырехместное ландо с С-образными рессорами, в котором миссис ван дер Лайден выезжала подышать воздухом в любое время года, видели у дверей старой миссис Минготт, где был вручен большой квадратный конверт; и что вечером в Опере мистер Силлертон Джексон смог подтвердить, что конверт содержал карточку с приглашением графини Оленской на обед к ван дер Лайденам в честь прибытия на следующей неделе их родственника, герцога Сент-Острея.

Некоторые молодые люди в клубной ложе обменялись при этом объявлении улыбками, взглянув в сторону Лоуренса Леффертса, – небрежно развалясь, он сидел впереди, подерживая свои длинные светлые усы, и авторитетно заявил, когда сопрано умолкло:

– Никто, кроме Патти,²⁶ не должен пытаться петь «Сомнамбулу».²⁷

²⁵ По Библии иудейка Эсфирь, жена персидского царя Артаксеркса, вступилась за свой народ, который царь хотел уничтожить, и добилась своего.

²⁶ Патти Аделина (1843–1919) – знаменитая итальянская оперная певица.

²⁷ Опера В. Беллини.

Глава 8

Весь Нью-Йорк сошелся на том, что графиня Оленская «потеряла свой блеск».

В первый раз она появилась здесь в детские годы Ньюланда Арчера очаровательной девочкой лет девяти-десяти, о которой тогда говорили, что она «достойна кисти художника». Ее родители вместе с ней путешествовали по Старому Свету; оба они умерли, и ее тетка, Медора Мэнсон, такая же «странница», взяла девочку и вернулась в Нью-Йорк с намерением начать «оседлую жизнь».

Бедняжка Медора время от времени становилась вдовой и после этого всегда возвращалась в Нью-Йорк, «чтобы начать оседлую жизнь» (каждый раз во все более и более дешевом доме, с новым мужем или с приемным ребенком, но через несколько месяцев она неизменно рвала с мужем или ссорилась со своим подопечным и, избавившись (с неизменным убытком) от дома, снова пускалась в странствия. Поскольку мать ее была из Рашуортов, ее последний брак привел ее в стан сумасшедших Чиверсов – и Нью-Йорк сочувственно смотрел на ее чудачества. Но когда она вернулась со своей маленькой осиротевшей племянницей, чьи родители пользовались общей любовью, даже несмотря на свою дурацкую страсть к путешествиям, все очень сожалели, что ребенок попал в такие руки.

Каждый старался проявить участие к малышке Эллен Минготт, хотя ее смуглые румяные щечки и густые кудри создавали вокруг нее атмосферу веселья, которая казалась не совсем подходящей для ребенка, должного еще носить траур по родителям. Одной из странностей Медоры было безразличие к американским законам траура, и, когда она сошла с парохода, семья ее была шокирована тем, что ее траурная вуаль была на несколько дюймов короче, чем у ее золовок, а уж малышка Эллен и вовсе была похожа на цыганенка-найденыша в своем шерстяном малиновом платье с янтарными бусами.

Но Нью-Йорк так давно примирился с выходками Медоры, что только несколько старых дам покачали головами при виде безвкусного наряда малышки Эллен; вся остальная родня была покорена ее веселым расположением духа и ярким румянцем. Это была бесстрашная малютка вполне в семейном минготтовском духе – она атаковала взрослых дерзкими вопросами, шокировала замечаниями, которые доказывали ее, так сказать, развитость не по годам, и обладала диковинными талантами – танцевала испанский танец с шалью и пела под гитару неаполитанские любовные песни. Под руководством своей тетушки (вообще-то в настоящее время ее имя было миссис Торли Чиверс, но, получив разрешение папы римского на дворянский титул, она снова стала называть себя по имени первого мужа маркизой Мэнсон, видимо потому, что в Италии его было легко переделать в Манцони)

Эллен получила дорогое, хотя и беспорядочное, образование. Она занималась рисованием с натуры (что было дотоле неслыханно!), а музицировала так, что могла исполнять партию фортепиано в квинтете с профессиональными музыкантами.

Конечно, к добру это привести не могло; и когда несколько лет спустя бедный Чиверс наконец закончил свои дни в сумасшедшем доме, его вдова, облаченная в необычный траур, снова сорвалась с места и уехала вместе с Эллен, превратившуюся к тому времени в высокую худенькую девушку с очень красивыми глазами. Некоторое время о них ничего не было слышно; затем просочились слухи о браке Эллен с невообразимо богатым и знаменитым польским аристократом, с которым она познакомилась на балу в Тюильри. Говорили, что он имел королевские апартаменты в Париже, Ницце и Флоренции, яхту в Каузе²⁸ и огромные охотничьи угодья в Трансильвании. Она исчезла в каком-то огненном вихре, и когда через несколько лет Медора снова вернулась в Нью-Йорк, поникшая, обедневшая, в трауре по третьему мужу, и стала искать себе домик еще меньших размеров, никто не понимал, почему ее богатая племянница не может помочь ей. Затем возникла весть о том, что брак Эллен закончился катастрофой и что она сама возвращается домой искать покоя и забвения среди родни.

Мысли эти пронеслись в мозгу Ньюланда Арчера, когда

²⁸ Курорт на острове Уайт (в Англии).

неделей позже, тем вечером, на который и был назначен торжественный обед, он наблюдал появление графини Оленской в гостиной ван дер Лайденов. Испытание было серьезным, и он с некоторой тревогой ожидал, как она выдержит его. Она слегка запоздала и вошла в гостиную, застегивая браслет, не надев на одну руку перчатку; но ни малейшего следа неловкости или поспешности при виде гостиной, в которую все входили с благоговейным трепетом, не отразилось на ее лице.

В центре гостиной она остановилась, улыбаясь одними глазами: и в этот миг Ньюланд Арчер отверг общий приговор ее внешности. Да, она не лучилась весельем, как раньше. Краска на щеках слегка поблекла, она была худа, выглядела усталой и казалась старше своих – около тридцати – лет. Но было что-то завораживающее в ее таинственной красоте – в непринужденной посадке головы, в движении глаз, которые приковали к себе его взгляд привычным, уверенным, без малейшего намека на наигранность, выражением властной силы. Манеры ее были столь изысканно просты, что большинство присутствующих на обеде дам, как потом рассказала ему Джейни, были разочарованы – она показалась им недостаточно «шикарной». Это, скорее всего, объяснялось тем, решил Арчер, что та, ранняя, присущая ей живость исчезла; она была само спокойствие – спокойные движения, спокойная манера говорить, спокойные тона низкого глуховатого голоса. Нью-Йорк ожидал чего-то более яркого от женщины

с такой репутацией.

Обед был невыносимо торжественным. Обедать у ван дер Лайденов всегда было делом тяжелым, но обед в честь герцога-кузена превратился в некое священнодействие. Арчера посетила приятная мысль, что только «старый» представитель нью-йоркского света может уловить ту тонкую грань, которая отличала бы прием в Нью-Йорке просто герцога от герцога ван дер Лайденов. Просто «странствующих» аристократов Нью-Йорк принимал с неким недоверчивым высокомерием; но если они обладали подобной рекомендацией, их встречали с такой старомодной сердечностью, что они жестоко ошиблись бы, если бы приписали его только своему положению по справочнику «Дебретт».²⁹ Именно за подобные тонкости Арчер ценил свой добрый старый Нью-Йорк, хотя иногда и подтрунивал над ним.

Ван дер Лайдены сделали все, что могли, чтобы подчеркнуть исключительность происходящего. Чего стоила одна только сервировка! Севрский фарфор дю Лаков и столовое серебро эпохи английского короля Георга II из Тревенны, фамильные сервизы ван дер Лайденов «Лоустоф» Ост-Индской компании и Дагонетов – «Краун Дерби».³⁰ Миссис ван дер Лайден более чем когда-либо походила на портреты Кабанеля, а миссис Арчер в фамильном ожерелье из мелкого

²⁹ Справочник английского дворянства. Первый издатель Д. Дебретт.

³⁰ «Лоустоф» и «Краун Дерби» названия сортов английского фарфора.

жемчуга и изумрудов напомнила сыну миниатюры Изабе.³¹ Все дамы были в своих лучших украшениях, и, как полагалось по такому торжественному случаю, исключительно старинных; а одна из старых миссис Лэннинг, которую удалось уговорить приехать, надела даже камеи своей матери и испанскую шаль.

Графиня Оленская была единственной молодой женщиной за столом; и, скользя взглядом по пухлым немолодым лицам с бриллиантами на шее и страусиными плюмажами на голове, Арчеру вдруг пришло в голову, что по сравнению с Эллен они почему-то все кажутся удивительно инфантильными. Его тревожила мысль о том, что же могло быть причиной такого выражения ее глаз.

Герцог Сент-Острей, сидевший по правую руку хозяйки, был, разумеется, самой важной фигурой на вечере. Но если графиня Оленская была менее заметна, чем можно было надеяться, то герцога совершенно не было видно. Как хорошо воспитанный человек, он не явился (как другой недавний визитер такого же звания) на обед в охотничьей куртке; но его вечерние одежды были потрепаны и мешковаты, и он носил их как домашний халат. Его манера сидеть сгорбившись и свесив бороду на манишку также отнюдь не придавала ему вид знатного гостя. Он был невысокого роста, с покатыми плечами, толстым носом, маленькими глазками и дружеской улыбкой; почти все время молчал, а когда что-нибудь гово-

³¹ Изабе Ж.-Б. – французский художник-миниатюрист эпохи ампира.

рил своим негромким голосом, расслышать его почти никто не мог, хотя все за столом то и дело умолкали в ожидании слов такого высокого гостя.

Когда мужчины присоединились к дамам после обеда, герцог подошел прямо к графине Оленской; они сели в углу и стали оживленно беседовать. Никому из них не пришло в голову, что герцог должен сначала засвидетельствовать свое почтение миссис Лавел Минготт и миссис Хедли Чиверс, а графине следовало поговорить с милейшим ипохондриком мистером Урбаном Дагонетом с Вашингтон-сквер, который, для того чтобы познакомиться с ней, нарушил строгое правило не выезжать между январем и апрелем. Герцог и графиня беседовали минут двадцать, потом графиня встала, пересекла широкую гостиную и села рядом с Арчером.

Не в правилах Нью-Йорка было дамам на приемах самим переходить от одного джентльмена к другому. Этикет требовал, чтобы дама сидела неподвижно и ждала, а мужчины, желающие с ней пообщаться, сменяли друг друга возле нее. Но графиня явно не отдавала себе отчета, что что-то нарушила; она удобно устроилась рядом с Арчером и подняла на него глаза, выражающие крайнюю степень доброжелательности.

– Я хотела поговорить с вами о Мэй, – сказала она.

– Вы знали герцога раньше? – вместо этого спросил он.

– О да – обычно каждую зиму мы виделись с ним в Ницце. Он большой картежник и часто бывал у нас дома с этой целью, – сказала она так же просто, как, скажем, могла бы

сказать: «он большой любитель полевых цветов»; и после небольшой паузы добавила: – Мне кажется, он скучнейший человек из всех, кого я встречала.

Это так позабавило ее собеседника, что он забыл о неприятном впечатлении от ее ответа на его вопрос. Было так любопытно встретить женщину, которая находит герцога ван дер Лайденов скучным и осмеливается высказать свое мнение. Ему захотелось расспросить ее побольше о жизни, которую внезапно высветили ее небрежные слова, но он боялся напомнить ей о чем-нибудь тяжелом, и пока собирался с мыслями, она уже вернулась к началу их беседы:

– Мэй так прелестна; я не встретила в Нью-Йорке молодой девушки, такой же красивой и умной. Вы очень в нее влюблены?

– Так, как только может быть влюблен мужчина, – сказал Арчер и засмеялся, покраснев.

Она задумчиво и неотрывно смотрела на него, словно боясь упустить малейший оттенок сказанного им:

– А вы считаете, что этот максимум существует?

– Влюбленности? Если он есть, я его пока не чувствую.

– О, неужели у вас настоящий роман? – горячо выпалила она.

– Самый романтичный из романов!

– Как чудесно! И вы сами нашли друг друга – никто ни капельки не помогал?

Арчер взглянул на нее недоверчиво.

– Разве вы забыли, – сказал он с улыбкой, – что в нашей стране мы сами принимаем подобные решения?

Она сильно покраснела, и он пожалел о своих словах.

– Да, – ответила она, – да, я забыла. Вы должны прощать мне ошибки, которые я иногда допускаю. Я всегда помню, как здесь все хорошо и как плохо все там – там, откуда я приехала. – Она опустила глаза на свой венецианский веер из орлиных перьев. Губы ее дрожали.

– Простите, – вырвалось у него. – Но теперь вы среди друзей.

– Да, я знаю. Я это чувствую всюду. Вот почему я вернулась домой. Я хочу забыть все остальное, хочу снова стать американкой, как Минготты и Уэлланды или вы и ваша чудесная матушка и все эти собравшиеся здесь милые люди... О, вот и Мэй, и вы сейчас захотите покинуть меня, – добавила она, но не пошевелилась, снова переведя глаза с двери на лицо Арчера.

Комнаты начали наполняться, вбирая в себя следующую партию гостей – к вечернему приему, и, взглянув вслед за графиней Оленской на дверь, он увидел Мэй, которая вместе с матерью входила в гостиную. В белом платье с серебряной отделкой, с венком из серебряных цветов в волосах, высокая девушка напомнила ему Диану,³² вернувшуюся с охоты.

– О, вы видите, сколько у меня соперников. Она просто окружена ими. Ей представляют герцога.

³² Диана в Древнем Риме богиня охоты, воплощение красоты и целомудрия.

– Тогда останьтесь со мной еще немного, – коснувшись его колена веером, тихо попросила она. От этого легчайшего прикосновения его бросило в дрожь.

– Да, разрешите мне побыть рядом с вами, – ответил он так же тихо, не понимая, что заставило его сказать это; но в эту самую минуту перед ними возникли ван дер Лайден и старый Урбан Дагонет. Графиня приветствовала их своей печальной улыбкой, и Арчер, чувствуя на себе тревожный взгляд хозяина, встал.

Мадам Оленская протянула ему руку, словно прощаясь с ним.

– Итак, я жду вас завтра – после пяти, – сказала она и подвинулась, чтобы мистеру Дагонету было просторнее сидеть.

– Завтра... – Арчер услышал, как подтвердил ее слова, хотя он ничего ей не обещал, а она во время разговора не назначала ему встречи.

Отходя, он отметил, как Лоуренс Леффертс, высокий и великолепный, подходит к графине, чтобы представить ей свою жену, а Гертруда Леффертс, пытаясь изобразить сияющую улыбку, говорит:

– Мне помнится, мы вместе посещали школу танцев, когда были детьми...

Позади нее, ожидая своей очереди представиться графине, Арчер заметил несколько пар, которые отказались встретиться с ней у миссис Лавел Минготт. Как говорила его мать, если ван дер Лайдены захотят проучить кого-нибудь, они ни-

когда не останутся на полпути. Оставалось сожалеть, что они делали это очень редко.

Арчер почувствовал, как кто-то коснулся его плеча, и, обернувшись, увидел миссис ван дер Лайден, смотревшую на него с высоты своего величия в черном бархате и фамильных бриллиантах.

– Как великодушно с вашей стороны, милый Арчер, что вы посвятили столько времени мадам Оленской, – вымолвила она. – Я велела Генри прийти к вам на помощь.

Он ответил ей неопределенной улыбкой, и тогда она добавила, сделав вид, что принимает его молчание за проявление застенчивости:

– Я никогда не видела Мэй более очаровательной. Герцог сказал, что она здесь самая красивая.

Глава 9

Графиня Оленская сказала: «после пяти», и, выждав полчаса, Ньюланд Арчер был в дальнем конце Западной Двадцать третьей улицы и звонил в дверь дома с осыпающейся штукатуркой, с мощно разросшейся глицинией, которая изо всех сил карабкалась вверх и почти задушила ветхий чугунный балкон. Этот был дом «бродяжки» Медоры.

Было странно, что она захотела здесь поселиться. Ближайшими соседями ее были дешевые портнихи, ремесленники и «пишущая братия». Еще дальше, вниз по неряшливой улице, в конце замощенной дорожки, Арчер узнал обветшалый дом писателя и журналиста Уинсетта, с которым он иногда встречался. Уинсетт к себе никого не приглашал; но однажды, когда они прогуливались поздно вечером, он показал Арчеру свой дом. Вид этого строения поверг Арчера в легкую дрожь – неужели, спрашивал он себя, и в других столицах несчастные писаки ютятся в таких же жалких лачугах?

Обитель мадам Оленской отличалась от этого дома лишь покрашенными оконными рамами, и, критически окинув взглядом его скромный фасад, Арчер сказал себе, что, по всей вероятности, польский граф лишил жену не только иллюзий, но и ее состояния.

День для Арчера сложился весьма неприятно. Он завтракал у Уэлландов, надеясь после этого погулять с Мэй в пар-

ке. Ему не терпелось побыть с ней наедине, сказать, как очаровательна она была накануне, как он гордился ею, и завести разговор о том, чтобы устроить свадьбу поскорее. Но миссис Уэлланд решительно напомнила, что они не сделали еще и половины родственных визитов, а когда он намекнул, что хотелось бы приблизить день свадьбы, брови ее взметнулись вверх в немом укоре и она сказала со вздохом: «По двенадцать же дюжин белья... каждого... С ручной вышивкой...»

Упаковавшись в семейное ландо, они переезжали от одних родственников к другим, и когда все наконец закончилось, он уехал от невесты с чувством, что его возили напоказ, как дикого зверя, которого хитроумно заманили в капкан. В общем-то он понимал, что, наверное, это лишь привычная демонстрация родственных чувств, а таким мрачным сравнением он обязан чтению трудов по антропологии; но когда он вспомнил, что Уэлланды не собираются устраивать свадьбу раньше осени, и в красках представил себе свою жизнь до этого времени, то впал в глубокое уныние.

– Завтра, – объявила ему миссис Уэлланд, – мы поедем к Чиверсам и Далласам.

И его вдруг осенило, что они посещают всех родственников в алфавитном порядке и – о ужас! – не добрались еще даже до конца первой четверти алфавита...

Он хотел напомнить Мэй о том, что графиня Оленская попросила – нет, приказала – посетить ее в этот вечер; но в те редкие моменты, когда они оставались наедине, ему столько

хотелось сказать ей более важного, что не оставалось времени для бедной графини. Кроме того, сам предмет разговора казался ему слегка абсурдным – разве не Мэй просила его быть повнимательней к кухне? Не это ли ее желание ускорило оглашение помолвки? А раз так, то вовсе не обязательно испрашивать разрешения на визит.

И вот теперь он стоял на пороге ее дома и его разбирало любопытство. Его озадачил тон, которым она его пригласила; ему пришло в голову, что она не так проста, как ему казалось.

Дверь отворила смуглая, иностранного вида, служанка; шейный платок топорщился на ее высокой груди. Чем-то неуловимым она напоминала сицилианку. Она радостно засверкала полным ртом белых зубов, непонимающе помотала головой на все его вопросы и через узкий коридор провела его в тесную гостиную, где горел огонь в камине. Комната была пуста, и служанка убежала, оставив его в недоумении – то ли она пошла за хозяйкой, то ли не поняла, зачем он пожаловал, то ли решила, что он пришел починить часы, – единственные часы, бывшие в комнате, стояли. Он знал, что представители южных наций любят изъясняться жестами, однако ее ужимки и улыбки он не понял и пребывал в крайнем раздражении. Наконец она вернулась с лампой; Арчер, с горем пополам вспомнив что-то из Данте и Петрарки, сложил несколько фраз и получил на них ответ «*La signora è fuori; ma verrà subito*», что он приблизительно

перевел как «она ушла, но скоро вы увидите ее».

Впрочем, пока что перед ним была лишь эта полутемная гостиная, тускло освещенная принесенной лампой, и падающие в ее неярком свете тени придавали комнате неуловимое, своеобразное очарование – она была не похожа ни на одну из гостиных, в которых ему приходилось бывать. Он знал, что графиня Оленская привезла кое-что из своих вещей – обломки кораблекрушения, как говорила она сама, – и, без сомнения, они и были представлены несколькими небольшими столиками темного дерева, изящной маленькой бронзовой греческой статуэткой на камине и драпировкой из красной камчи, прибитой на выцветшие стены, на которых выделялись две картины, с виду итальянские, в старинных рамах.

Знание итальянского искусства было предметом гордости Ньюланда. Он чуть ли не с детства впитал всего Рескина, читал и новейшие труды в этой области – Джона Эддингтона Саймондса, «Эвфориона» Верной Ли, эссе Хамертона и замечательную книгу Уолтера Патера «Ренессанс» – и свободно рассуждал о Боттичелли, а о Фра Анджелико позволял себе отзывать с некоторым снисхождением. Но картины графини сбили его с толку, они не напоминали ему ни о чем, виденном прежде, тогда, когда он путешествовал по Италии, или, возможно, он не мог сосредоточиться в этом странном пустом доме, куда его пригласили, но явно не ждали. Он пожалел, что не сказал Мэй о приказании графини, и слегка встревожился при мысли, как бы его невеста тоже не заехала

навестить кухню. Что бы она подумала, если бы нашла его здесь, одиноко сидящего в полутьме у чужого камина?

Но, поскольку он уже пришел, он все же решил подождать и, усевшись в кресло, протянул ноги поближе к горящим поленьям.

С ее стороны было довольно странным потребовать, чтобы он пришел, и совершенно позабыть о нем, однако Арчера больше разбирало любопытство, чем досада. Сама атмосфера комнаты была столь отличной от того, к чему он привык, что неловкость, которую он испытывал, исчезла в предвкушении чего-то авантюрного. Ему и раньше попадались гостиные, драпированные красной камчой и с картинами «итальянской школы», но его поразило, что ветхий домик Медоры Мэнсон, взятый внаем, с пожухлой травой и роджеровской скульптурной группкой в глубине двора, одним движением руки и появлением нескольких предметов был преобразен в нечто удивительно уютное, «заграничное», смутно навевавшее мысли о сценах из старинных «чувствительных» романов. Он старался понять, в чем тут дело. В расстановке столов и стульев? В том, что изящную вазу у его плеча украшают всего две розы, тогда как никто в Нью-Йорке никогда не покупает меньше дюжины? В едва осязаемом аромате, который пропитывал все вокруг, не обычном запахе духов, а слегка терпком аромате восточного базара – смеси турецкого кофе, серой амбры и засушенных роз?

Потом он стал думать о том, как обустроит гостиную Мэй.

Он знал, что мистер Уэлланд проявил изрядную щедрость, приглядев для них новый особняк на Восточной Тридцать девятой улице. Правда, местность эта была весьма отдаленной, а дом был построен из камня ужасного мертвенного желто-зеленого цвета – его новое поколение архитекторов пыталось «внедрить в жизнь», протестуя против коричневого песчаника, из-за которого весь Нью-Йорк казался затопленным холодным шоколадным кремом. Впрочем, зато водопроводная система там была образцовой. Арчер хотел отправиться в свадебное путешествие и отложить решение о покупке дома, но хотя Уэлланды и одобряли длительный медовый месяц в Европе (возможно, даже с зимой в Египте), они настаивали, чтобы молодожены вернулись в собственный дом. Молодой человек чувствовал, что его судьба решена: всю оставшуюся жизнь он обречен каждый вечер касаться рукой чугунных перил у подъезда дома из желто-зеленого камня, а из вестибюля с фресками в стиле древних Помпеи проходить в холл, украшенный панелями из лакированного желтого дерева. На этом картины в его воображении обрывались. Он знал, что наверху находится гостиная с глубоким оконным выступом, но он не представлял, как Мэй захочет оформить ее. В своей нынешней обители она спокойно выносила в гостиной смесь пурпурного атласа, отделанного желтыми кистями, столиков Буля и позолоченных стеклянных шкафов с пышным саксонским фарфором. У него не было основания полагать, что в своем доме она сделает все

по-другому; он лишь лелеял надежду, что она позволит ему оформить хотя бы библиотеку – он предвкушал, как обставит ее настоящим «истлейком»³³ и простыми незастекленными книжными шкапами.

Появилась полногрудая служанка, задернула занавески, перемешала поленья в камине и что-то ободряюще пробормотала. Когда она вышла, Арчер встал и зашагал по комнате. Следует ли ему ждать далее? Его положение становилось дурацким. Возможно, он неправильно понял Оленскую и она вовсе не приглашала его?

Внизу за окном на булыжной мостовой послышался стук копыт и замер у крыльца; затем хлопнула дверца кареты. Раздвинув занавески, он выглянул в окно, где сгустились сумерки. В свете уличного фонаря он увидел добротную английскую коляску Джулиуса Бофорта, запряженную чалой лошадей. Банкир вышел из нее и помог выбраться мадам Оленской.

Бофорт стоял, со шляпой в руке, и о чем-то просил Оленскую, на что, похоже, получил отрицательный ответ; затем они пожали друг другу руки, после чего он сел в карету, а она поднялась по ступенькам.

Увидев Арчера в гостинной, она не выказала удивления; было очевидно, что это чувство не было для нее характерным.

³³ Строгая мебель машинной работы. Именуется в честь английского искусствоведа Г.-Л. Истлейка.

– Как вам понравился мой чудный домик? – спросила она. – Для меня это просто рай.

С этими словами она развязала ленты небольшой бархатной шляпки и бросила ее в сторону вместе с длинной накидкой, глядя на него задумчивыми глазами.

– Вы чудесно устроились, – привычно-банально отозвался он, желая сказать что-то простое и остроумное, но не в состоянии взломать рамки светской любезности.

– О, это не слишком приятное место. Мои родственники презирают его. Но в любом случае оно не такое мрачное, как дом ван дер Лайденов.

Эти слова словно током поразили его; не много бы нашлось мятежных умов, которые бы осмелились назвать величественный дом ван дер Лайденов мрачным! Удостоившиеся высокой чести быть там принятыми с трепетом пересекали его порог и отзывались о нем не иначе как с восхищением. Но Арчер внезапно обрадовался такой трактовке всеобщего трепета.

– То, что вы сделали с этим местом, просто восхитительно, – снова пробормотал он.

– Я люблю небольшие дома, – призналась она, – а может быть, мне просто доставляет неизъяснимое блаженство то, что я в родной стране, в родном городе и что я в нем совершенно одна.

Она говорила так тихо, что он едва расслышал ее последние слова; но, от смущения и неловкости, подхватил их:

– Вы так любите быть одна?

– Да. Тем более, что мои друзья не дают мне чувствовать себя одинокой. – Она села у огня, сказав: – Настасья сейчас принесет чаю. И, жестом пригласив его занять свое кресло, добавила: – Я вижу, вы уже нашли себе уютный уголок.

Откинувшись назад, она сомкнула руки за головой и из полуопущенных век стала смотреть в огонь.

– Это время дня я люблю больше всего – а вы?

Чувство собственного достоинства заставило его ответить:

– Боюсь, что Бофорт настолько завладел вашим вниманием, что вы позабыли об этом.

Это высказывание ее позабавило.

– Да ну, разве вы долго ждали? Мистер Бофорт показал мне несколько домов – я думаю, что мне не позволят остаться в этом месте. – Казалось, она тут же выкинула из головы и его, и Бофорта и продолжала: – Я никогда не жила в городе, где бы считалось невозможным поселиться в эксцентричном квартале. Не все ли равно, где жить? Мне сказали, эта улица вполне приличная.

– Она не в моде.

– Не в моде! Вы придаете этому значение?

Почему бы не установить собственную моду? Но вероятно, я уже привыкла жить независимо. Во всяком случае, теперь, здесь, я хочу делать то же, что и все; хочу чувствовать, что обо мне заботятся и что я в безопасности.

Он был тронут, как и накануне, когда она сказала, что нуждается в его советах.

– Это именно то, чего желают все ваши друзья, – сказал он и добавил не без сарказма: – Впрочем, Нью-Йорк – удивительно безопасное место.

– Да, не правда ли? Это сразу чувствуется, – с готовностью подхватила она, не замечая насмешки. – Я чувствую себя здесь... словно девочка на каникулах, хорошая девочка, у которой сделаны все уроки...

Аналогия была ему понятна, хотя и не слишком приятна. Сам он был не прочь поиронизировать, говоря о Нью-Йорке, но не любил, когда другие отзываются о нем без должного почтения. Он подумал, поняла ли она, что это – мощная машина, которая чуть не раздавила ее? Званный обед у Лавел Минготтов, собранный *in extremis*³⁴ из весьма разнородной публики, должен был заставить ее ощутить, что она на краю пропасти; но, судя по всему, она либо вообще этого не поняла, либо триумф на вечере у ван дер Лайденов застлал ей глаза. Арчер склонялся к первому; он подумал, что, видимо, она воспринимает Нью-Йорк как единое целое, и это его раздосадовало.

– Вчера вечером, – сказал он, – Нью-Йорк лежал у ваших ног. Ван дер Лайдены ничего не делают наполовину.

– О, они так добры! Был такой славный вечер. Как их все уважают.

³⁴ На скорую руку (лат.).

Похоже, она действительно не воспринимала обстоятельства адекватно. Так можно было говорить о чаепитии у славных старушек Лэннинг!

– Ван дер Лайдены, – медленно произнес Арчер, ощущая некую напыщенность своей речи, – самая влиятельная семья в нью-йоркском обществе. К сожалению – из-за плохого здоровья миссис ван дер Лайден, – они принимают крайне редко.

Она расцепила руки, на которые опиралась головой, и задумчиво спросила:

– Может, в этом и причина?

– Причина чего?

– Их огромного влияния. То, что они превратились в некий реликт.

Слегка покраснев, он уставился на нее, но внезапно понял всю глубину ее замечания. Одним движением она проколола ван дер Лайденов, как воздушный шарик иголкой, и они лопнули. Он рассмеялся, сдаваясь и принося их в жертву.

Настасья принесла чай в японских чашечках без ручек на маленьких блюдечках, поставив поднос на низкий столик.

– Вы постараетесь объяснить мне все, что я должна знать, не правда ли? – сказала мадам Оленская, наклоняясь к нему, чтобы поставить перед ним чашку.

– Это вы мне все объясняете, открывая глаза на вещи, на которые я смотрел так долго, что перестал их видеть в истинном свете.

Она сняла с одного из своих браслетов маленький золотой портсигар и протянула ему, взяв папиросу и себе. На камине лежали длинные лучины для раскуривания.

– О, тогда мы будем помогать друг другу. Но я нуждаюсь в помощи гораздо больше. Вы должны научить меня, что мне делать.

Ответ вертелся у него на кончике языка – «Не катайтесь по улицам с Бофортом», – но он уже так глубоко погрузился в атмосферу этого дома, а давать подобные советы – все равно что предлагать торговцу розовым маслом на самаркандском базаре непременно запастись теплыми ботами для нью-йоркской зимы. Нью-Йорк в эту минуту был для Арчера гораздо дальше, чем Самарканд, и если они с графиней и в самом деле могли помочь друг другу, она, возможно, уже оказала ему первую услугу, заставив взглянуть на родной город объективно. Арчер смотрел на него сейчас словно в перевернутый телескоп, и он казался ужасающе маленьким и далеким. Но ведь так и должно быть, когда смотришь из Самарканда.

Пламя в камине вспыхнуло, и она протянула тонкие руки ближе к огню так, что слабый ореол засиял вокруг овальных ногтей. Красноватый отблеск огня играл на ее темных локонах, выбившихся на висках из прически, и делал ее бледное лицо еще бледнее.

– Есть много людей, которые объяснят вам, что делать, – сказал он, смутно завидуя им.

– А, мои тетушки? Или моя дорогая старушка бабушка? Она старалась беспристрастно оценить эту мысль. – Все они не очень довольны, что я поселилась одна, – особенно бедная бабушка. Она бы хотела держать меня при себе. Но я хочу свободы.

Арчер был поражен, как небрежно она говорит о могущественной Екатерине, и его взволновала мысль о том, что же заставило мадам О ленскую жаждать свободы и одиночества. Но мысль о Бофорте не покидала его.

– Я думаю, что понимаю ваши чувства, – сказал он. – Но все же ваша семья может кое-что посоветовать вам. Объяснить некие тонкости – например, указать путь.

Она подняла тонкие черные брови. – Неужели Нью-Йорк такой уж лабиринт? Я думала, он прямой от начала до конца – как Пятая авеню. И каждая поперечная улица пронумерована... – Казалось, она вдруг почувствовала, что ему не слишком приятны ее слова, и редкий гость – улыбка – скользнула на ее лицо, волшебно озарив его. – Если бы вы знали, как я люблю его именно за ЭТО – чертежную точность и крупные заметные вывески на всем!

Он ухватился за это.

– Ярлыки могут быть на предметах, но не на людях.

– Может быть. Наверное, я все упрощаю – поправьте меня, если так. – Она перевела глаза с огня на него. – Здесь есть только два человека, которые понимают меня и могут мне что-нибудь объяснить, – вы и Бофорт.

Арчер поморщился от подобного соседства, но смирился с ним из тонкой смеси чувств понимания, симпатии и жалости. Что же пришлось ей испытать, если ей легче дышалось здешним воздухом? Но раз она считает, что он понимает ее, его долг раскрыть ей глаза на Бофорта, чтобы она поняла, что за ним стоит, и возненавидела его.

– Я понимаю, – мягко сказал он. – Но все-таки не отталкивайте помощь своих старинных друзей – я имею в виду старых дам: вашу бабушку, миссис Уэлланд, миссис ван дер Лайден. Они любят вас и хотят вам помочь.

Она покачала головой и вздохнула:

– Да, я знаю: знаю. Но при условии, что они не услышат ничего неприятного. Тетушка Уэлланд именно так и выразилась, когда я попыталась... Разве здесь никто не хочет знать правды, мистер Арчер? Настоящее одиночество это жить именно с этими добрыми людьми, которые только и просят, чтобы вы притворялись! – Она закрыла лицо руками, и он увидел, как ее тонкие плечи вздрогнули от рыданий.

Мадам Оленская! Эллен! Не надо, вскричал он, поднявшись с места и склонившись над ней. Он взял ее руку и стал гладить ее, как ребенка, бормоча слова утешения, но она тут же ее отняла и взглянула на него, подняв мокрые ресницы.

– Здесь ведь никто не плачет? Впрочем, здесь, в раю, в этом нет нужды, – сказала она, горько рассмеявшись, и, поправляя волосы, наклонилась над чайником. Он внезапно осознал, что назвал ее по имени, даже дважды, но она, ка-

залось, не заметила этого. Перед ним вдруг возник – размытый, в белом платье – образ Мэй, но он был далеко, в перевернутом телескопе, там, где все еще оставался Нью-Йорк.

Внезапно дверь отворилась, и в нее просунулась голова Настасьи, что-то быстро воркующей по-итальянски.

Мадам Оленская, снова поправляя прическу, воскликнула утвердительно: «*Gia, gia!*» – и в комнате немедленно возникли герцог Сент-Острей, которого сопровождала облаченная в меха крупная дама с пучком красных перьев в черном парике.

– Дорогая графиня, я привел вам мою старинную приятельницу, миссис Стразерс. Она не была приглашена на вчерашний прием и хочет познакомиться с вами.

Герцог одарил всех своим сиянием, и госпожа Оленская приветствовала странную пару. Ее явно не трогало ни то, как мало они подходили друг другу, ни то, что герцог совершил некую вольность, приведя сюда свою спутницу. Впрочем, вынужден был отметить Арчер ради справедливости, герцог и сам явно этого не понимал.

– Конечно, я хочу познакомиться с вами, дорогая, – прогромычала миссис Стразерс. Голос ее как нельзя лучше гармонировал с немислимым париком и яркими перьями в плюмаже. – Я хочу быть знакома с каждым, кто молод, интересен и очарователен. Герцог сказал мне, что вы любите музыку, – не правда ли, герцог? Вы ведь и сами музициру-

ете, дорогая? Хотите послушать завтра вечером Сарасате?³⁵ Он будет играть у меня дома. Вы знаете, я всегда что-нибудь устраиваю в воскресные вечера – по воскресеньям Нью-Йорк никогда не знает, чем себя занять, вот я и провозглашаю: «Приходите и веселитесь!» Герцог подумал, что вас можно соблазнить Сарасате. Вы встретите уйму знакомых.

Лицо мадам Оленской расцвело от удовольствия.

– Чудесно! Как мило со стороны герцога вспомнить обо мне! – Она подвинула кресло к чайному столику, и миссис Стразерс с наслаждением погрузила в него свое тело. – Конечно, я буду рада приехать.

– Прекрасно, моя дорогая. И прихватите с собой вашего молодого джентльмена. – Миссис Стразерс дружелюбно протянула Арчеру руку. – Я никак не вспомню вашего имени, но уверена, что видела вас где-нибудь – я знакома со всеми, здесь или в Париже и Лондоне. Вы, случаем, не дипломат? Все дипломаты заглядывают ко мне. Вы тоже любите музыку? Герцог, непременно прихватите его с собой.

Из глубин герцогской бороды послышалось: «Разумеется!» – и Арчер, отвесив чопорный общий поклон, удалился с неприятным ощущением в позвоночнике, которое он испытывал когда-то давно, будучи школьником, в присутствии равнодушных и невнимательных взрослых по причине своей природной застенчивости.

Он ничуть не жалел о таком завершении своего визита к

³⁵ Сарасате П. де (1844–1908) – испанский скрипач.

графине – жаль только, что это не произошло раньше, тогда бы он был избавлен от неуместного проявления чувств. Как только он вышел в холодную ночь, Нью-Йорк снова сделался огромным и безбрежным, а Мэй Уэлланд – самой очаровательной из всех женщин. Он завернул в цветочный магазин, чтобы, как и каждый день, послать ей ландышей, – к своему удивлению, он забыл это сделать утром.

Нацарапав на карточке несколько слов, он ждал, когда ему подадут конверт. Он оглядел магазин, и взгляд его остановился на букете желтых роз. Он никогда не встречал роз такого солнечно-золотистого цвета, и его первым движением было послать их Мэй вместо ландышей. Но они не подошли бы ей – что-то слишком пышное, сильное было в их огненной красоте. И во внезапном порыве, почти не понимая, что делает, он велел продавцу положить их в другую коробку, сунул свою карточку во второй конверт, на котором написал имя графини Оленской, затем, уже направившись к выходу, вернулся и вытащил карточку из конверта.

– Вы отправите их немедленно? – спросил он, указывая на розы.

Продавец уверил его, что будет именно так.

Глава 10

На следующий день он убедил Мэй ускользнуть после ленча на прогулку в парк. По стародавнему обычаю епископального Нью-Йорка, по воскресным дням она всегда ходила с родителями в церковь, но сегодня ей удалось упросить мать сделать для нее исключение. Миссис Уэлланд проявила снисходительность потому, что Мэй согласилась удлинить время помолвки, чтобы успеть приготовить надлежащее количество белья с ручной вышивкой в приданое.

День был прекрасный. Над сводом сомкнувшихся вдоль аллеи обнаженных крон деревьев сияло лазурное небо, а внизу лежал снег, сверкая осколками кристаллов. Сама погода подчеркивала лучистую красоту Мэй, и она раздумялась, словно клен от первых заморозков. Взгляды, которыми ее провожали, наполнили Арчера гордостью, и радость обладания подобным сокровищем заглушила неясные микроскопические сомнения.

– Как чудесно, просыпаясь каждое утро, чувствовать аромат ландышей! – сказала она.

– Каюсь, вчера они запоздали. Совершенно не хватило утром времени.

– То, что вы каждый день вспоминаете о них, мне нравится гораздо больше, чем если бы вы сделали ежедневный заказ и они появлялись в точно назначенный час, словно учитель

музыки. Так было у Гертруды Леффертс, когда она только обручилась с Лоуренсом.

Арчер засмеялся ее остроте. Глядя сбоку на ее румяную как яблоко щеку, он почувствовал себя таким счастливым и уверенным в себе, что решительно произнес:

– Вчера, когда я посылал вам ландыши, я увидел роскошные желтые розы и послал их графине Оленской. Правильно я сделал?

– Как это чудесно! Она очень любит цветы. Странно, что она забыла упомянуть об этом – она сегодня завтракала с нами и рассказала, что Бофорт прислал ей чудесные орхидеи, а ван дер Лайдены – целую корзину гвоздик из Скайтерклиффа. Она была приятно удивлена. Разве в Европе дамам не посылают цветы? Она считает этот обычай чудесным.

– О, очевидно, впечатление от моих цветов погибло в тени бофортовских орхидей, – с досадой сказал Арчер. Потом он вспомнил, что сам вытащил карточку, и пришел в раздражение оттого, что вообще заговорил о них. Он хотел добавить: «Я заглянул вчера к вашей кухне», – но заколебался. Раз графиня не упомянула о его визите, будет неудобно, если он это сделает. Однако умолчание придавало этому событию какой-то неприятный оттенок таинственности. И, чтобы сменить тему, он заговорил об их общих планах, о будущем, о «долгой помолвке» – настойчивом желании миссис Уэлланд.

– Такая ли уж она долгая! Вон Изабель Чиверс и Реджи

были помолвлены два года, а Грейс и Торли – почти полтора. Разве мы не в лучшем положении?

Это было обычное кокетство невесты, и, к своему стыду, оно показалось ему неуместно детским. Конечно, она повторяет чьи-то слова, но ведь ей уже скоро двадцать два. Интересно, когда «порядочные» женщины начинают выражать свои собственные мысли собственными словами?

«Наверное, никогда, раз мы сами не позволяем им», – подумал он и вспомнил свой сумасшедший всплеск, так удививший Силлертон Джексона: «Женщины должны быть так же свободны, как и мы».

Скоро он снимет повязку с этих прекрасных юных глаз и заставит их взглянуть на мир. Но сколько поколений женщин легли в фамильные гробницы, так и не сняв ее? Он слегка содрогнулся, вспомнив о всех этих новых идеях в научных книгах, и особенно о кентуккийской пещерной рыбе, у которой атрофируется зрение, потому что она не пользуется глазами. Что, если он велит Мэй открыть глаза, а они смогут лишь наивным взглядом смотреть в пустоту?

– Нам могло быть еще лучше. Мы могли бы отправиться в путешествие и быть только вдвоем.

Ее лицо вспыхнуло.

– О, как это было бы чудесно, – призналась она – ей бы, конечно, тоже хотелось этого. Но ее мать никогда бы не одобрила их стремление поступать не как все.

– Но мы и есть «не как все», это же само собой разумеет-

ся! – настаивал Арчер.

– Ах, Ньюланд! Вы такой необыкновенный! – воскликнула Мэй.

У него сжалось сердце, ибо он вдруг подумал, что он говорит ей вещи, которые все женихи говорят в этих случаях, и ее ответы – вплоть до эпитета «необыкновенный» – тоже продиктованы ей традициями и инстинктом.

– Необыкновенный? Мы все похожи друг на друга, как куклы, вырезанные из сложенного в несколько раз листа бумаги. Мы словно узор на стене, нарисованный по трафарету. Разве мы не можем поступать по-своему, Мэй?

Он в возбуждении остановился и взглянул ей в глаза – она смотрела на него с нескрываемым восхищением.

– Господи, так что же нам делать – бежать и тайно обвенчаться? – засмеялась она.

– О, если бы!

– Ньюланд! Неужели вы и вправду так меня любите? Ах, как я счастлива!

– Но почему мы не можем стать еще счастливее?

– Не можем же мы вести себя как в романах?

– Но почему? Почему? Почему?

Казалось, ей наскучила его настойчивость. Она прекрасно знала, что ничего этого сделать невозможно, но приводить доводы было бы слишком утомительно.

– Я недостаточно умна, чтобы спорить с вами. Но ведь поступки такого сорта... они просто неприличны... не так

ли? – спросила она, радуясь, что нашла слово, которое закрывает тему.

– А вы так боитесь нарушить приличия?

Было очевидно, что этот вопрос ошеломил ее.

– Разумеется, боюсь – так же, как и вы, – с некоторой досадой сказала она.

Он стоял молча, нервно постукивая тростью по голенищам сапог. Чувствуя, что она нашла удачный способ закончить спор, Мэй продолжила беспечным тоном:

– О, знаете, я ведь показала Эллен ваш подарок. Она сказала, что она никогда не видела подобной оправы. Сказала, что такого прекрасного кольца нет даже на рю де ля Пэ!³⁶ Ньюланд, у вас такой тонкий вкус!

Джейни пришла повидать Арчера следующим вечером, перед обедом, когда он в мрачном настроении курил у себя в кабинете. Он не заглянул в этот день, как обычно, в клуб по дороге с работы, где служил юристом, не особенно, впрочем, утруждая себя, как и было принято в среде состоятельных ньюйоркцев. Он был не в духе – мысль, что он ежедневно, в один и тот же час, делает одно и то же, сверлила его мозг.

– Однообразие, вечное однообразие, – бормотал он, и это слово непрерывно звучало в его голове, когда он, как всегда, подъехал к клубу в определенный час, и, увидев знакомые фигуры в цилиндрах за зеркальными стеклами, внезапно развернулся и проехал прямо домой. Он знал не только

³⁶ Улица в Париже, где много ювелирных магазинов.

возможную тему предстоящей беседы в клубе, но и то, кто и каким образом будет выступать. Главной темой будет, конечно, герцог; но, несомненно, подробно будет обсуждаться и появление на Пятой авеню златоволосой особы в небольшой коляске канареечно-желтого цвета, запряженной парой невысоких гнедых, которые, как все полагали, имели прямое отношение к Бофорту. Таких «дамочек» в Нью-Йорке было мало, а уж разъезжающих в собственных колясках и того меньше; и появление мисс Фанни Ринг на Пятой авеню в час прогулок великосветской публики глубоко взволновало все общество. Только вчера ее коляска проехала мимо кареты миссис Лавел Мингготт, и та, тотчас же дернув за колокольчик, приказала кучеру повернуть обратно к дому. «Что, если бы это случилось с миссис ван дер Лайден?» – спрашивали все друг друга с ужасом. Арчер мог бы поклясться, что сейчас, в эту самую минуту, Лоуренс Леффертс в клубе произносит речь о разложении общества.

Он неприветливо вскинул глаза, когда Джейни вошла, и тут же снова опустил их в книгу (только что вышедший «Шателляр» Суинберна), словно он и не видел ее. Она взглянула на заваленный книгами письменный стол, открыла том «Забавных историй»,³⁷ скорчила гримаску из-за архаического французского и вздохнула:

– Какие ученые книги ты читаешь!

– Ну? – спросил он, посмотрев на сестру, которая застыла

³⁷ Сборник новелл Бальзака.

рядом с видом Кассандры.³⁸

– Мама очень рассердилась.

– Рассердилась? На кого? За что?

– Только что заезжала мисс Софи Джексон. Передала, что вечером заедет брат. Она почти ничего не сказала, потому что он хочет сам рассказать все в деталях. Сейчас он поехал к ван дер Лайденам.

– Ради всех святых, Джейни. О чем ты толкуешь? Сам Господь не разобрался бы. Давай по порядку с самого начала.

– Сейчас не время богохульствовать, Ньюланд... Мама и так переживает, что ты не ходишь в церковь...

Арчер издал глубокий стон и снова погрузился в книгу.

– Ньюланд! Послушай, это очень важно. Твоя приятельница Оленская была вчера в гостях у миссис Лемюэл Стразерс; она ездила туда с герцогом и Бофортом.

Последние слова сестры неожиданно свергли его в такое бешенство, что он коротко рассмеялся, чтобы подавить его.

– И что такого? Я знал, что она собирается туда.

Джейни побледнела и вытаращила глаза:

– Ты знал – и не остановил ее? Не предостерег?

– Не остановил? Не предостерег? – Он снова засмеялся. – Разве я собираюсь на ней жениться? – Собственное фантастическое предположение как-то странно зазвенело у него в ушах.

– Но ты войдешь в ее семью.

³⁸ Прорицательница, предсказаниям которой никто не верил.

– О, семья, семья! – презрительно-насмешливо изрек он.

– Ньюланд! Тебя не заботит честь семьи?

– Ничуть.

– И даже то, что подумает тетя Луиза ван дер Лайден?

– Абсолютно – пусть эту чепуху перемалывают старые девы.

– Мама не старая дева, – поджав губы, выдавила его девственная сестрица.

Ньюланд чуть не выкрикнул в ответ: «И она, и ван дер Лайдены, и все мы превращаемся в старых дев, стоит лишь чуть-чуть соприкоснуться с реальностью!» – но, увидев, что ее длинное кроткое лицо вот-вот сложится в гримасу плача, он устыдился своего бесполезного гнева.

– Да бог с ней, с Оленской, Джейни. Хватит болтать глупости. Я же не ее опекун.

– Конечно нет. Но ведь ты сам ускорил помолвку, чтобы поддержать ее; если бы не это, тетя Луиза никогда бы не пригласила ее на обед в честь герцога.

– Ну и что произошло плохого? Она была самой роскошной дамой на этом обеде; благодаря ей обед у ван дер Лайденов не был похож на заупокойную мессу, как это обычно бывало.

– Но ты же знаешь, что дядя Генри сделал это только ради тебя – уговорил тетю Луизу и послал приглашение. А сейчас они так расстроены, что немедленно возвращаются в Скайтерклифф. Я думаю, Ньюланд, тебе нужно спуститься. Ты не

представляешь, в каком состоянии мама.

Ньюланд нашел мать в гостиной. Она подняла глаза от вышивания и спросила:

– Джейни тебе рассказала?

– Да. – Он постарался сказать это как можно более сдержанно. – Но я не могу принимать это всерьез.

– Даже тот факт, что кузина Луиза и кузен Генри оскорблены?

– Чем? Тем, что графиня Оленская посетила дом, в котором живет женщина, ездить к которой считается не совсем приличным?

– СЧИТАЕТСЯ?

– Ну ладно, пусть так и есть. Но у нее можно послушать хорошую музыку по воскресным вечерам, когда Нью-Йорк умирает от скуки.

– Хорошую музыку? Насколько мне известно, там была женщина, которая вскочила на стол и распевала песенки, как в известных домах в Париже. Там курили и пили шампанское.

– Но... такие вещи делаются и в других местах, а мир все еще не рухнул.

– Значит, французский образ жизни тебе по вкусу?

– Мама, ну вспомни, как тебе было скучно в Лондоне!

– Нью-Йорк – не Париж и не Лондон.

– О, разумеется нет! – простонал Ньюланд.

– По-видимому, ты имеешь в виду, что наше общество не

столь блестяще. Может быть, ты и прав, но мы принадлежим именно к нему, и люди пришлые должны уважать наши права, коль скоро они находятся среди нас. Особенно Элен Оленская: мне кажется, именно от той жизни, которую ведут в блестящем обществе, она и сбежала.

Ньюланд не ответил, и после некоторой паузы его мать продолжала:

– Я сейчас надену шляпку, и мы с тобой отправимся ненадолго к кухне Луизе. – Видя, что он нахмурился, она поспешно продолжила: – Ты мог бы объяснить ей то, что не раз говорил, – что общество в Европе не такое, как у нас... люди там менее разборчивы и мадам Оленская, видимо, не понимает, как мы относимся к подобным вещам... Ты ведь и сам знаешь, дорогой, – добавила она с невинным лукавством, – это ведь только в интересах мадам Оленской.

– Мама, дорогая, я вообще не понимаю, какое нам до всего этого дело. Герцог отвез Оленскую к миссис Стразерс – кстати говоря, он сам привез ее познакомиться с графиней, я был при этом. Если ван дер Лайдены ищут виновника скандала, им следует поискать в собственном доме.

– Скандала? Ты когда-нибудь слышал, чтобы твой дядя Генри скандалил? Кроме того, герцог их гость, к тому же иностранец. От иностранцев никто ничего не требует – как это возможно? Графиня Оленская своя и поэтому должна уважать чувства ньюйоркцев.

– Что ж, если им нужна жертва, ты можешь бросить им на

съедение мадам Оленскую! – воскликнул Арчер с досадой. – Я только не понимаю, при чем тут я, да и ты тоже.

– Разумеется, ты стоишь на точке зрения Минготтов, – сказала мать обиженным тоном, который всегда означал, что она вот-вот рассердится.

Угрюмый дворецкий раздвинул портьеры в гостиной и объявил:

– Мистер Генри ван дер Лайден.

Миссис Арчер уронила иглу и дрожащей рукой подвинула стул.

– Еще одну лампу! – прокричала она вслед слуге, а Джейни наклонилась, чтобы поправить ей чепец.

Фигура мистера ван дер Лайдена появилась на пороге, и Арчер поднялся навстречу дяде.

– Мы как раз беседовали о вас, сэр, – сказал он.

Мистер ван дер Лайден, казалось, был удивлен этим известием. Он снял перчатку, чтобы пожать руку дамам, и, пока Джейни пододвигала ему кресло, Арчер продолжил:

– И о графине Оленской.

Миссис Арчер побледнела.

– Ах, она очаровательная женщина. Я только что от нее, – сказал мистер ван дер Лайден благодушно. Он устроился в кресле, положил цилиндр и перчатки, по старинному обычаю, рядом с собой на пол и продолжал: – Она так умеет расставить цветы – это просто талант. Я послал ей гвоздики из Скайтерклиффа и сегодня был просто поражен. Вместо то-

го чтобы охапками свалить их в вазы, как делает наш садовник, она разбросала их там и сям, понемногу. Я даже не могу объяснить как. Это герцог велел мне съездить. Он сказал: «Съезди посмотри, с каким вкусом она обставила свою гостиную». Это именно так. Я бы с удовольствием свозил к ней и Луизу, если бы не разное неприятное соседство.

Во все время этого совершенно несвойственного мистеру ван дер Лайдену словоизвержения в гостиной стояла мертвая тишина. Миссис Арчер достала свое вышивание из корзинки, куда перед этим его нервно сунула. При свете внесенной второй лампы Ньюланд увидел застывшее от изумления лицо Джейни.

– Дело в том, – продолжал мистер ван дер Лайден, поглаживая длинную ногу своей бескровной рукой, которую сильно отягощало огромное кольцо с печаткой патрона, – дело в том, что я заехал поблагодарить ее за прелестную записку, которую она написала мне, получив мои цветы, а также – но это между нами, конечно, – по-дружески предупредить ее, чтобы она не позволяла герцогу возить ее по гостям. Не знаю, слышали ли вы...

Миссис Арчер позволила себе снисходительно улыбнуться:

– Разве герцог возил ее в гости?

– Вы же знаете этих английских вельмож. Они все одинаковы. Мы с Луизой очень любим нашего кузена, но безнадежно ожидать от людей, которые крутятся при европейских

дворах, что они будут вникать в наши маленькие тонкости. Герцог ездит туда, где можно развлечься. – Мистер ван дер Лайден сделал паузу, но никто не шелохнулся. – Да, кажется, вчера он ездил к некоей миссис Лемюэл Стразерс. Силлертон Джексон только что был у нас и рассказал глупейшую историю, которая немного огорчила Луизу. Поэтому я поехал прямо к Эллен Оленской и объяснил – вы понимаете, намеками, разумеется, – как мы в Нью-Йорке относимся к подобным вещам. Я чувствовал, что это возможно сделать... очень деликатно... она сама сказала в тот вечер, когда обедала у нас, что была бы благодарна за советы... Так оно и было.

Мистер ван дер Лайден огляделся вокруг с видом, который, если бы на лице столь благородного человека был хоть малейший намек на наличие низменных страстей, можно было бы назвать пошлым самодовольством. Но в его аристократических чертах сияла лишь мягкая доброжелательность, которая, словно зеркальное отражение, возникла и на лице его собеседницы.

– Ах, Генри, как вы оба всегда добры! Ньюланд особенно благодарен вам за этот поступок – ведь это касается дорогой Мэй и ее семьи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.